— О!... Мудрёнъ, мудрёнъ!... обидчиво отнесся къ нимъ тотъ. Я живалъ на переправахъ-то и не этой чета! Видалъ, какъ люди дѣла дѣлаютъ!... Вотъ што, господинъ честной, коли дашь три рублика, перетащу васъ.

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, голубчикъ! Съ удовольствіемъ тебѣ заплатимъ! Только какъ же ты это устроишь?

— Пождите малость... я вотъ сейчасъ!...

Предпріимчивый перевозчикъ пошелъ къ постоялому двору и вскорѣ принесъ большой лубъ съ привязанной къ нему бечевкой. Подойдя къ берегу, попробовалъ онъ крѣпость льда и затѣмъ крикнулъ стоявшимъ на той сторонѣ тоже перевозчикамъ.

— Эй!... Робята!... Держи веревку!

Привязанная къ концу веревки гирька быстро прокатилась къ тому краю. Тамъ ее тотчасъ подхватили.

— Ну, господа, ложись на лубъ кто-нибудь изъ васъ!... предложилъ нашъ изобрѣтатель невиданнаго перевоза.

Егоръ Браво сильно трусилъ и не рѣшился первый сдѣлать опытъ переправы.

— Благослови, Господи! перекрестясь, проговорилъ я и затѣмъ, не безъ боязни однакожъ, легъ на лубокъ, держась за веревку.

— Съ Богомъ!... Тащи робята! да ровнѣе, не дергай, мотри!... кричалъ на ту сторону, нашъ перевозчикъ.

Тотчасъ же задвигался и зашургалъ по льду мой лубъ. Во многихъ мѣстахъ вода просочилась и грозно шумѣла въ продушинахъ и полыньяхъ, а у береговъ даже ледъ трещалъ. Отъ страха у меня даже голова закружилась и духъ захватило. Можетъ, только одна минута прошла, какъ меня благополучно доставили на другой берегъ, но въ эту минуту я много перечувствовалъ. Вставъ на ноги, первымъ долгомъ перекрестился, принеся Богу благодарность, а затѣмъ крикнулъ товарищу:

— Ничего, Егоръ!... не трусь!... Отличное катанье! Переправляйся скорѣе, не бойся!...

Лубъ перетянули обратно, и Браво нерѣшительно, робко растянулся на немъ.

— Эй, эй!... господинъ!... Держись за веревку, а то тебя стряхнетъ на ледъ!... кричали ему съ той стороны перевозчики.

Браво торопливо схватилъ бечеву и, какъ только его потащили, заоралъ во всю глотку. Вѣроятно трескъ льда и клокочущая вода въ полыньяхъ сильно его испугали. Переправа и эта совершилась такъ же быстро и безъ приключеній. Послѣ такимъ же способомъ доставили и поклажу нашу.

— Ну, что, Егоръ, каково прокатился, а?... Вѣдь важно придумано!... шутилъ я, помогая ему подняться.

— Чортъ бы побралъ тебя и выдумку эту!... Въ другой разъ я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь на такую глупость!... Ледъ трещитъ... вода шумитъ... ну, вотъ, того и гляди, что пойдешь подъ ледъ уху хлебать!

— Ничего, баринъ!... Чего гнѣваешься?... Вѣдь доставили благополучно! Оно, конечно, жутко, что и говорить!... Да ничего!...

— Эй, Гарасимъ! получи съ пассажировъ-то нашихъ три рублика да попроси у ихъ милости на чаёкъ!... крикнулъ нашъ перевозчикъ-изобрѣтатель.

— Вотъ отдаю по уговору, да еще двугривенный на чай!... отвѣтилъ я, отдавая деньги. Спасибо вамъ всѣмъ за услугу, да, ужъ, кстати, братцы, донесите кто-нибудь наши вещи на почтовую станцію.

— Извольте съ нашимъ удовольствіемъ! весело отозвался одинъ изъ перевозчиковъ.

Итакъ, совершивъ необыкновенную переправу, мы вошли въ городъ Веневъ, гдѣ на почтовой станціи и остановились. Прежде всего спросили чаю. Отъ Венева едва могли упросить дать намъ лошадей; по безпутью ни смотритель, ни ямщики не хотѣли везти, но магическія слова: „на чай и водку“ — произвели свое дѣйствіе: тотчасъ же, безъ задержки, насъ отправили въ путь.

Тула.

(1852 г.)

Въ Тулѣ попрежнему властвовалъ Милославскій. Онъ такъ дѣла повелъ, что вмѣсто одного директора, завелъ ихъ нѣсколько (а именно: губернаторъ Дараганъ, Волховской, Завальевскій и Федуркинъ). За эту честь они изрядно-таки поплатились своимъ карманомъ. По пріѣздѣ нашемъ, Браво

допустили къ дебютамъ, а обо мнѣ губернаторъ не хотѣлъ и слышать, за то, что я тогда уѣхалъ къ Гумилевскому противъ его воли. И пришлось мнѣ сидѣть у моря и ждать погоды. На мое счастье Эвелина Шмитгофъ пріѣхала сюда на нѣсколько спектаклей, а какъ въ ея репертуарѣ шли такія пьесы, въ которыхъ я былъ необходимъ, то волей-неволей пришлось дирекціи пригласить и меня къ участію. Мнѣ дали хорошую поспектакльную плату, и этимъ я вознагражденъ былъ много больше того, что получалъ жалованьемъ. Тутъ я поправился такъ, что могъ выписать сюда изъ Рязани свое семейство.

Не долго просуществовала Тульская дирекція театра. Директоры перессорились между собою и отказались помогать театру. Милославскій, видя, что ему уже не съ кого собирать дань, и будучи кругомъ въ долгахъ, наскоро распродавъ свое имущество, укатилъ на другіе пріиски. Губернаторъ, однако, не хотѣлъ оставить городъ безъ театра,—всю труппу, въ томъ числѣ и меня съ женою, пригласилъ остаться и продолжать спектакли, подъ вѣдѣніемъ князя Петра Александровича Щербатова. Не всѣ однакожъ согласились; нѣкоторые изъ труппы уѣхали въ другіе города. Остались: Днѣпровскій съ женою (Гедцъ) и съ ея сестрою, Кларъ Браво, два брата Александровскіе, Варганикъ, Зеленовскій, два брата Максимовы, Линовская и я съ женою. Сборы, при наступленіи лѣта, были плохіе. Князь по совѣщаніи съ нами рѣшилъ отправить труппу въ городъ Мещовскъ, на ярмарку.

Мещовскъ.

По прибытіи въ Мещовскъ, спектаклей не могли открыть по причинѣ исправленія ветхаго зданія для театра. Тѣмъ временемъ мы каждый день бродили по окрестностямъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ зашли мы въ монастырскій лѣсъ за ягодами. Днѣпровскій при этомъ случаѣ захватилъ съ собою небольшое ружьецо. Разгуливая себѣ такъ свободно въ красивой тѣнистой рощѣ, мы отъ удовольствія затянули пѣсенку. Какъ вдругъ изъ просѣки подбѣгаетъ къ намъ монастырскій служка съ такой корявой, противной рожей.

— Эй, вы! Прохвосты!... крикнулъ онъ: Чего орете тутъ въ святомъ мѣстѣ?... Вонъ ступайте!... Здѣсь ходить не велѣно!

— Ахъ, ты проклятый, гунявый чернецъ! отвѣтилъ ему Днѣпровскій. Какъ же ты въ такомъ святомъ мѣстѣ такъ ведешь себя неприлично? За это, братъ, тебѣ слѣдуетъ пропѣть съ приволокою: „Ахъ, вы сѣни мои, сѣни!...“ при этомъ онъ рукою пояснилъ ему припѣвъ.

— А смѣй-ка, смѣй-ка, длинноногій чортъ!... Мы-те поломаемъ бока!... У насъ тутъ народу-то не мало!

Не успѣлъ служка договорить, какъ ему влетѣла зуботычина, вслѣдъ за которой, вѣрный своему слову, Днѣпровскій задалъ служкѣ потасовку. Заоралъ нашъ монашекъ на весь лѣсъ. Смотримъ—со стороны монастыря бѣгутъ къ намъ монахи и рабочіе съ дубинами. Дѣло плохо! Бросились мы черезъ валъ къ городу, мимо хлѣбовъ. Но намъ наперерѣзъ стремится еще толпа монаховъ и рабочихъ. Что дѣлать? Браво какъ-то ухитрился спрятаться во ржи, у большой дороги, а насъ всѣхъ остальныхъ окружили. Днѣпровскій не дается въ руки, кого прикладомъ, кого кулакомъ такъ и лупитъ, наконецъ вошелъ онъ въ такой азартъ, что приложился изъ ружья и хотѣлъ въ толпу выстрѣлить. Увидѣвъ это, я рванулся отъ державшихъ меня людей и, мигомъ выхвативъ у него ружье, съ крикомъ бросился на окружающихъ. Толпа шарахнулась въ стороны, и я, выскочивъ наружу, какъ стрѣла пустился къ городу. Цѣлая орава погналась за мною, но я ихъ все больше и больше оставлялъ за собою; ужъ и городъ близко... На окраинѣ его тоже виднѣлся народъ. Еще бы пробѣжать шаговъ двѣсти-триста — и я былъ бы спасенъ... Но на мою бѣду тутъ случился кабакъ, изъ котораго выбѣжалъ какой-то рабочій и моментально бросился мнѣ подъ ноги. Отъ этого я съ ружьемъ такъ и трахнулся на землю. Подбѣжали монастырскіе, и меня, раба Божьяго, повлекли въ монастырь, тамъ во дворъ приведены были и всѣ мои товарищи. Браво тоже запримѣтили сидящаго на березѣ, и ужъ какъ онъ тамъ ни отнѣкивался, его все-таки стащили съ дерева и при содѣйствіи пинковъ приволокли въ монастырь. Отецъ-игуменъ вышелъ такъ важно на крыльцо и сталъ чинить судъ и расправу. Разспросивъ своихъ людей, онъ гнѣвно приказалъ связать всѣмъ намъ руки и засадить въ темную башню. Изъ свидѣтелей особенно надрывался служка, получившій таску; ужъ онъ и шипѣлъ и плевалъ отъ злости, такъ кулаки и

насучиваетъ, суля намъ и гнѣвъ Божій и наказанье-то отъ начальства. Днѣпровскій не утерпѣлъ и отгрызнулся:

— Эхъ, кабы у меня руки были свободны, я на твоей бы скверной рожѣ оттиснулъ гнѣвъ Божій!...

— Ну, ну! Ведите ихъ! Да замкните хорошенько, чтобы не убѣжали!... отдалъ приказаніе отецъ-игуменъ.

Такъ и засадили насъ, голубчиковъ, въ темную башню. Межъ тѣмъ у монастыря собралось народу изъ города множество; до насъ доносились шумъ, говоръ и угрозы монахамъ. Городскіе-то жители ужъ давно имѣли непріязнь на нихъ за разныя утѣсненія и непотребности. Скоро понаѣхало начальство въ лицѣ жандармскаго полковника и городничаго. Снова вывели насъ на судбище. Отецъ-игуменъ съ братіей доносили, что мы разбойники, хотѣли ограбить монастырь, съ служителями учинили драку и грозились даже застрѣлить изъ ружья.

На это обвиненіе Днѣпровскій, какъ юристъ, отвѣтилъ блестящей и ѣдкой рѣчью. Онъ ясно и подробно изъяснилъ все дѣло, указавъ на самоуправное, грубое и неприличное обхожденіе съ нами отца-настоятеля. „Я прошу, полковникъ“, добавилъ онъ, „дозвольте мнѣ подать вамъ прошеніе, въ которомъ я изложу какъ это дѣло, такъ и другія жалобы отъ жителей городскихъ“.

Смутился настоятель, а съ нимъ и городничій, его пріятель. Полковникъ, видимо, принимая нашу сторону, обѣщалъ намъ доставить всякое законное содѣйствіе. Смотримъ: подъѣхалъ и нашъ директоръ, князь П. А. Щербатовъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ потребовалъ, чтобы насъ тотчасъ же освободили, и что онъ пошлетъ отъ себя донесеніе губернатору и архіерею. При этомъ онъ что-то проговорилъ отцу-игумену на ухо, отъ чего тотъ еще сильнѣе смутился.

Когда мы вышли за ограду, народъ шумно и радостно привѣтствовалъ насъ. Послышались голоса:

— Эко, братцы, не поспѣли мы даве къ вамъ на подмогу... Ужъ и задали бъ имъ жару!... Давно на нихъ зубы точимъ!... Опять же, не боясь грѣха скоромятину жрутъ!... Ужъ попадись они намъ только!...

Итакъ съ тріумфомъ возвратились мы къ себѣ домой. Дѣло это, однако, замяли, ходу не дали.

— А ты, Егоръ, трусишка!... обратились мы къ Браво.— Ловко шмыгнулъ въ хлѣбà, а потомъ на дерево...

— А что жъ подѣлаешь? отвѣтилъ Браво: Думалъ избѣжать трепки, да не удалось! Ишь у нихъ сколько народу-то!... обратился Егоръ ко мнѣ: Смотрю—ты выскочилъ изъ круга... Что за картина была!... Я залюбовался! Какъ вихрь несешься, а за тобой вразсыпную растянулись линіей рабочіе и монахи. Смѣшно было смотрѣть на нихъ: подрясники-то раздуваются, клобуки свалились, волосы растрепаны... Я такъ и думалъ, что ты удралъ. Дальше не видалъ ничего!... Меня запримѣтили и стащили съ дерева.

— И пинковъ надавали изрядныхъ!... вставилъ Днѣпровскій. — И по-дѣломъ! Не отставай отъ товарищей.

Не много спектаклей пришлось намъ тутъ играть. Ярмарка какъ-то не задалась. Не больше двухъ недѣль прожили въ Мещовскѣ и затѣмъ обратились въ Тулу.

Тула. По дорогѣ въ Харьковъ.

Въ Тулѣ, послѣ управленія Милославскаго, съ его большой труппой и блестящей обстановкой, намъ было не подъ силу тянуться за нимъ. Сборы пошли плохіе, бенефисы тоже. Видя, что и впереди не предстоитъ лучшаго, стали мы подумывать о выѣздѣ въ другія мѣста. Марья Андреевна Микульская собралась ѣхать въ Харьковъ. Она пригласила и меня. Конечно, я съ радостью согласился. Снова пришлось разстаться съ женой и дочуркой Варенькой.

Въ дорогу Микульская взяла съ собою горничную, и мнѣ, по тѣснотѣ, пришлось сидѣть на облучкѣ. Какъ на грѣхъ, гдѣ-то подъ Орломъ, или за нимъ, насъ захватила такая непогодь-метель, что сбились даже съ большой дороги. Бѣдный ямщикъ, въ своемъ плохомъ зипунишкѣ, промерзъ до костей, а тутъ, какъ заплутались-то, ему пришлось бродить по сугробамъ, отыскивая дорогу. Я пожелалъ было ему пособить и тоже пуститься на поиски, но Микульская ни за что не хотѣла оставаться безъ меня.

— Насъ тутъ и обидѣть могутъ, или волки нападутъ!... убѣждала она.

Смѣшно мнѣ стало.

— Да, Марья Андреевна! насчетъ волковъ это вы правду говорите!... Вы съ Анютой такіе жирные и лакомые кусочки, что звѣрь-то почуетъ васъ издалека!...

— Смѣйтесь, шутите тутъ... А все-таки, я не хочу, чтобы вы отходили отъ повозки.

Дѣлать нечего! Пришлось стоять у лошадей и перекликаться съ возницей.

Порывистый вѣтеръ съ обледенѣлымъ снѣгомъ хлесталъ немилосердо.

„О-го-го-го!... Сюда веди!“ раздался неподалеку голосъ.

Сильный вихрь, какъ шквалъ на морѣ, налетѣлъ на насъ и со стономъ, завываньемъ пронесся къ сторонѣ ямщика, и я не могъ разслышать, что̀ онъ тамъ кричалъ. Однако, взявъ за узду коренную и утопая въ сугробахъ, повелъ лошадей на призывъ.

— Эй, эй!... Гдѣ ты? Ямщикъ!...

— Здѣся, здѣся!... Вотъ дорога! Слава те, Господи! Ну, баринъ, чуть-чуть не стеряли дорогу. Бѣды!... Пропали бы совсѣмъ!

— А ты молчи! шепчу ему: бабы и такъ напуганы... Плачъ подняли!... Садись-ка да давай выпьемъ коньячку, а то мы съ тобою сильно зазябли.

Ямщикъ мой съ удовольствіемъ аппетитно глотнулъ стаканчикъ коньяку, крякнулъ и, подобравъ возжи, ухарски крикнулъ:

— Эй вы! мороженыя!...

Продрогшія лошадки быстро помчались по обледенѣвшей дорогѣ, мѣстами усыпанной косыми, наносными буграми. Колокольчикъ весело зазвенѣлъ, а я уткнувши носъ въ воротникъ, еще плотнѣе запахнувшись въ шубу, скоро впалъ въ дремотное состояніе. Вьюга-метель еще больше усилилась. Невольно, сами собой, мысли-думы, словно птицы перелетныя, вереницей потянулись въ далекое прошедшее. Какъ наяву представилось мнѣ счастливое, беззаботное дѣтство, когда я безъ устали бѣгалъ съ товарищами по завѣтному бору и цвѣтущимъ лугамъ родимой Мокши.

Сонъ.

Вотъ близъ рѣки садъ и огородъ. Дѣдушка Ѳаддей ихъ стережетъ. Вонъ онъ сидитъ на вышкѣ, подпертой четырьмя столбами, на одномъ изъ нихъ нарублены ступеньки... Я, съ мальчишками, крадусь около плетня; намъ хочется полакомиться вишней и малинкой.

— Глянь, робята, дѣдушка-то спитъ! Вишь, онъ качедыкъ-то держитъ, а лапоть-то упалъ... Лазь межъ тычинъ!...

Пробрались и разсыпались по завѣтнымъ мѣстамъ.

— Мишка!... Чего лѣзешь на яблоню!... Увидитъ, чортъ!...

Мишка, съ сломаннымъ сучкомъ, грохнулся наземь. Мимо летя, некстати каркнула ворона. Дѣдушка Ѳаддей проснулся, сталъ оглядываться во всѣ стороны; ребятишки присѣли, а сердчишки-то у всѣхъ: тукъ, тукъ!... Поднесъ дѣдушка руку къ глазамъ, присматривается... Завидѣлъ шалуновъ-воришекъ, поднялся...

— Робята, бѣги! звонко вскрикнулъ Васька-Заправило.

Всѣ, словно мыши отъ кота, такъ и брызнули: кто изъ сада, кто изъ огорода.

— Я васъ, пострѣлята! прошамкалъ дѣдъ.

Мишка, Васька и я, очутились за плетнемъ и, жуя ягоды, показали ему языки. Дѣдушка Ѳаддей съ палкою лѣзетъ внизъ. Мы бѣжать лугомъ до самой Мокши, тамъ сѣли на песчаномъ бугоркѣ и начали болтать босыми ногами въ плёсѣ.

— Ванька-Бита! обратился ко мнѣ Васька: ты, сказываютъ, съ матерью идешь въ Нижній на ярмарку?... Мотри, безъ гостинца не ворочайся! Тамъ, слышь, продаютъ кораблики; ты скажи матери, чтобъ купила.

— Ладно!... коли буду тамъ, — добуду.

— Глянь, глянь, робята!... вскрикнулъ Сеня: чайка рыбку схватила!... Вотъ бы стрѣльнуть-то въ нее!... Дядя Гарасимъ куда какъ лихо пуляетъ птицъ-то!

— Ну, ужъ твой дядя Гарасимъ! передразнилъ Васька: Гдѣ ему!... Онъ только сидячихъ гусей да утокъ бьетъ, а что летаетъ-то, того ему не зашибить!... Нѣтъ, вотъ Ванькинъ дядя — Яменычъ такъ охотникъ! Зимой-то онъ съ мордвиномъ какого медвѣдя завалилъ — страсть! Я глядѣлъ тогда!

Сказавъ это, Васька взялъ камушекъ, пустилъ его по водѣ такъ, что онъ прыжками понесся къ той сторонѣ и, затонувъ, оставилъ за собою рядъ круговъ. Всѣ мы послѣдовали его примѣру и также начали кидать камушки по водѣ.

— А что, братцы, — сказалъ Сеня: правда ли, есть гдѣ-то, тамъ далеко, за тридесять земель, такое царство, гдѣ райскія птицы живутъ?... Сказываютъ, если на нихъ глянуть — ослѣпнуть можно!

— Ну, это, Сенька, въ сказкахъ говорится. Поди, чай, такъ, зря болтаютъ!

— Нѣтъ, Вася!... Ты этого не говори! возразилъ я.—Вотъ мамонька-то моя, какъ была на ярмонкѣ, такъ видѣла сама и птицъ и звѣрья диковинныхъ. Тамъ, вишь, балаганъ построенъ, а въ ёмъ-то и посажены они!... И все-то, говорятъ, изъ-за моря!

— Ты, какъ будешь тамъ, Ванька, погляди и намъ опосля все разскажешь. Ишь тебѣ какое счастье!... чего-чего тамъ не насмотришься! Опять же и лѣсами темными пойдешь. Сказываютъ, далеко идутъ лѣса-то, почесть до самой Москвы. Я, намедни, въ рядахъ какъ былъ, такъ слышалъ разговоръ одного офени. Москва, говоритъ, городъ великій-превеликій! Церквей однѣхъ — сорокъ-сороковъ; а въ середкѣ-то стоитъ соборъ Иванъ Великій... на ёмъ-то виситъ царь-колоколъ, тожъ большущій, пребольшущій!... А около Ивана-то Великаго поставлена царь-пушка, тожъ здоровенная такая!... Вотъ какъ царь-то пойдетъ Богу молиться, тутъ сейчасъ въ тотъ колоколъ зазвонятъ, а изъ царь-пушки учнутъ палить, да такъ, что инда народъ весь попадаетъ!...

— Въ кого жъ, Вася, пушкой-то палятъ? спросили мы.

— Въ кого!... такъ, ни въ кого!... Она, сказываютъ, поставлена на устрашеніе нехристей.

— Чать, далеко слышно?

— Какъ, поди, не далеко — далеко!

За рѣкой, у болота въ лѣсу, что-то страшное такое загугукало. Мы всѣ вскочили на ноги и въ испугѣ стали прислушиваться.

— Это, братцы, водяной скучитъ!... съ хрипомъ въ горлѣ прошепталъ Мишанька. — Уйдемте, а то утопитъ!

Бѣгомъ всѣ пустились къ городу...

— Баринъ, слѣзай!... на станцію пріѣхали! будилъ меня ямщикъ. Досадно и жалко было разстаться съ милымъ сновидѣньемъ.

Харьковъ.

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Микульская, вмѣстѣ со мною, представилась уже знакомому мнѣ директору Піотровскому. Микульской вскорѣ назначили дебюты. Она играла въ пьесѣ „Полковникъ старыхъ временъ“ — полковника, и потомъ въ пьесѣ „Сиротка Сусанна“ — Сусанну. Въ обѣихъ роляхъ она имѣла хорошій успѣхъ. А мнѣ оказалось препятствіе по той же причинѣ, какъ и въ Воронежѣ: и здѣсь также мужской персоналъ былъ переполненъ. Какъ кладъ, не дается мнѣ харьковская сцена,—что станешь дѣлать!... Къ счастію, въ это время пріѣхалъ изъ Курска антрепренеръ Клементій Ивановичъ Васильковъ. Онъ предложилъ мнѣ съ женою хорошее условіе, на которое я тотчасъ же согласился и немедленно уѣхалъ съ Васильковымъ въ Курскъ.

Курскъ.

(1853 годъ.)

Въ Курскѣ составилась небольшая труппа: Васильковъ, Гусева съ дочерью, я съ женою, Александръ Максимовъ (Кочетковъ), старикъ Поляковъ съ женой и дочерью, да пять-шесть сюжетовъ на небольшія роли. Какъ разъ къ моему дебюту пріѣхала изъ Тулы въ Курскъ и моя жена съ Варенькой.

Театръ находился при зданіи Благороднаго Собранія, недалеко отъ собора. Театръ, собственно, былъ бы недуренъ, если бъ содержался опрятно. Да при этомъ и обстановка бѣдна.

Понятно, съ такой малой труппой и средствами антрепренера, пьесы шли только сподручныя, по возможности. У насъ не было драматическаго актера, съ которымъ было бы можно ставить спектакли посильнѣе. Такъ почти до масленицы и протянули, кое-какъ сведя концы съ концами. Недѣли за три до поста получаю я письмо отъ тюремнаго смотрителя Шагарова, большого любителя театра. Онъ пишетъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему по очень важному дѣлу. Думаю: что такое? Для чего я ему понадобился? Отправился. И кого же

у него встрѣчаю! — актера Дмитрія Андреевича Горева. Бѣдный! въ арестантскомъ платьѣ и съ обритой головою... Изумился я, спрашиваю:

— Что это съ тобой приключилось, Дмитрій Андреевичъ?

— Здравствуй, Ваня! здравствуй, другъ! Какъ я радъ тебя увидѣть! проговорилъ онъ, заплакавъ.

— Да объясни, пожалуйста, отчего ты въ такомъ нарядѣ?

— Ахъ, Ваня!... Видно судьба моя такая... Вездѣ-то все меня преслѣдуютъ и арестуютъ!... Ты помнишь случай въ Таганрогѣ?... Ну, за что я пострадалъ?... А теперь, вотъ тоже, гонятъ по этапу, словно преступника какого!

— Что жъ ты сдѣлалъ?

— Да отвѣтъ далъ одному городничему не по вкусу... Ну, меня, какъ безпаспортнаго, обрили да въ кандалы и нарядили. Вотъ слушай, какъ дѣло было. Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Екатеринославской губерніи игралъ я съ труппой Жураховскаго. Начальникъ города, бурбонъ, солдатъ стараго закала, за что-то разсвирѣпѣлъ на насъ... кажется, ложу, что ли, забыли ему прислать; а тутъ, на тотъ грѣхъ, актеры наши пошумѣли въ трактирѣ, ну, онъ и отдалъ приказъ явиться намъ всѣмъ къ нему на лицо. Первое дѣло потребовалъ паспорты. Конечно, у многихъ ихъ-то и не оказалось. Напустился городничій на Жураховскаго и на всю труппу; бранными словами такъ и засыпалъ:

— Всѣхъ бы васъ комедіанщиковъ, сколько ни есть, слѣдовало услать туда, гдѣ рябчиковъ стрѣляютъ!...

Чортъ дернулъ меня на это отвѣтить:

— Полковникъ! вѣдь это дичь!

— Какъ? вскричалъ онъ, соскочивъ со стула: А?... Я говорю дичь?...

— Нѣтъ, полковникъ, это я про рябчиковъ говорю — дичь!

— Врешь, каналья!... Меня не надуешь!... Смѣяться вздумалъ надо мною?... Я жъ тебѣ покажу смѣхъ!... Эй! задыхаясь ревѣлъ городничій: — взять его!... Обрить голову и заковать въ кандалы!... Ты у меня будешь знать, какъ съ начальствомъ шутить!...

Такъ вотъ и погнали меня съ партіей воровъ и убійцъ по этапу въ Москву. Что я вытерпѣлъ на пути — сказать

невозможно!... Дойдя сюда, до Курска, я совсѣмъ изнемогъ. Спасибо г. смотрителю: онъ пріютилъ меня къ себѣ и присовѣтовалъ обратиться къ кому-нибудь изъ знакомыхъ актеровъ. Отъ него же я узналъ, что и ты, мой товарищъ-другъ, находишься здѣсь въ труппѣ, такъ и попросилъ написать тебѣ, чтобы повидаться.

— Радъ я, Дмитрій Андреевичъ, встрѣтить тебя! Но что могу сдѣлать? чѣмъ помочь?

— А вотъ чѣмъ, — обратился ко мнѣ Шагаровъ: сходите вы съ Васильковымъ къ г. вице-губернатору Селецкому и попросите отпустить г. Горева вамъ на поруки, — дѣло его не важное, — вѣроятно, вамъ не откажутъ.

Побесѣдовавъ съ ними, я простился, обѣщавъ исполнить совѣтъ Шагарова.

На другой же день мы съ Васильковымъ отправились къ вице-губернатору. Исправлявшій должность градоначальника г. Селецкій, по просьбѣ нашей, сдѣлалъ справку, по полученіи которой приказалъ освободить Горева и сдать намъ на поруки. Снарядили мы его, какъ прилично быть артисту, и немедля приступили къ составленію репертуара. Дебютировалъ Горевъ въ драмѣ „Отецъ и дочь“ ролью Доверстона. Жена моя играла Агнессу. Оба они были публикой приняты хорошо. Прежде женѣ Лизѣ я все отказывалъ въ ея просьбахъ играть въ драмахъ, и только теперь убѣдился, что она можетъ исполнять эти роли. А намъ именно такой актрисы и недоставало. Оживилась наша сцена! Задоръ обуялъ насъ такой, что мы рѣшились поставить съ Горевымъ: „Купца Иголкина“, „Парашу-сибирячку“, а напослѣдокъ удивить публику „Гамлетомъ“ Шекспира! Ну, и удивили!!... Я думаю, долго не забудутъ! Не говоря ужъ о жалкой обстановкѣ этой грандіозной драмы, роли-то изучить и исполнить было намъ не подъ силу. Вотъ какъ гласила афиша: Король — Лавровъ; Королева — Лаврова, Гамлетъ — Горевъ, Офелія — Гусева 2-я, Полоній — Васильковъ, Горацій — Максимовъ, и проч. О другихъ же, особливо о придворныхъ — лучше умолчать! Только Горевъ да мѣстами Лаврова и Гусева 2-я и были хороши, а всѣ мы, остальные, походили на шутовъ гороховыхъ... Право, даже вспомнить совѣстно!...

До третьяго акта, при помощи изрядныхъ пропусковъ, еще

кое-какъ плелись... Но вотъ наступила сцена представленія актеровъ. Роль злодѣя, который отравляетъ короля, исполнялъ почти глухой Поляковъ-старикъ. Жена его, боясь, что онъ суфлера не дослышитъ и навретъ, стала у кулисы подсказывать. До публики явственно доносились слова суфлера, а изъ-за кулисъ еще сильнѣе повторялъ ихъ какой-то злобный и хриплый голосъ. Несмотря на это, Поляковъ все-таки несъ чепуху.

— Яснѣе говори, старая дура! гнѣвно прошипѣлъ онъ женѣ. Та высунула изъ-за кулисъ злобное лицо и, тыча ему въ шею тетрадкой, въ отчаяніи крикнула:

— У!... глухая, плѣшивая крыса!... Чортъ тебя побери!... Не брался бы за роль, коли никуда не годишься!

Поляковъ, какъ видно, сильно оскорбился за эту брань, да еще высказанную при всѣхъ. Обернувшись, онъ схватилъ жену за косу — и давай ее трепать! Та, вѣроятно, не желая оставаться въ долгу, тоже, рванула съ него парикъ — и ну имъ размазывать по его лицу. На тотъ грѣхъ подмостки были построены на козлахъ; онѣ и такъ-то еле держались, а тутъ, какъ пошла эта баталія, конечно, не смогли выдержать. Сначала раздался скрипъ, какъ бы жалоба на такую выходку, а потомъ зашатались, зашатались, да съ трескомъ и шумомъ и рухнули! Въ публикѣ и на сценѣ поднялся общій хохотъ. Я, видя такую бѣду, вскочилъ и, убѣгая, закричалъ: „Занавѣсъ! Занавѣсъ!...“ Спасибо, машинистъ догадался скоро его спустить и тѣмъ прекратить безобразіе и суматоху. Съ Васильковымъ чуть ударъ не сдѣлался. Сперва-то посмѣялись мы надъ Поляковыми, а послѣ стало ихъ жалко. Бѣдные! они были безутѣшны и горько оплакивали свою виновность.

Въ четвертомъ дѣйствіи дѣло шло получше. Сцена съ королевой прошла не дурно. Гусева роль Офеліи тоже провела успѣшно, особенно въ пѣніи. Потомъ опять провалились, опять скандалъ!... Когда Гамлетъ съ Гораціо ведутъ сцену на кладбищѣ, въ это время надо было могильщику выкинуть черепа. Они и были, кое-какъ, слѣплены, да рабочій, которому поручили, должно быть, или забылъ, или затерялъ ихъ. Что дѣлать? Горевъ шепчетъ: „Могильщикъ, кидай черепъ!...“ Горацій тоже повторяетъ приказаніе,

а Васильковъ все копается подъ сценой и, не найдя, отвѣчаетъ:

— А гдѣ я возьму?... Нѣтъ ихъ!... Черти этакіе!...

— Ну, что-нибудь выкинь! настаивалъ Максимовъ.

Изъ-за кулисъ швырнули двѣ плошки. Одна изъ нихъ, налитая не то саломъ, не то масломъ какимъ, дѣлая дорожку, прямо подкатилась къ ногамъ Гамлета. Горевъ хотѣлъ поднять ее, но видя такую мерзость, плюнулъ, спросивъ Гораціо:

— Гораціо, что это такое?

Максимовъ, едва удерживаясь отъ смѣха, отвѣтилъ:

— Должно быть это осколокъ черепа Іорика, принцъ!

Нечего дѣлать! Пришлось Гамлету, стоя надъ плошкой, разсуждать о черепѣ Іорика.

А въ послѣднемъ дѣйствіи, когда начался поединокъ принца съ Лаэртомъ, мнѣ слѣдовало провозгласить тостъ въ честь Гамлета; глядь — кубковъ-то и нѣтъ! Какъ быть? Кричу за кулисы: „Подайте кубки!“ Мнѣ отвѣчаютъ: „Нѣтъ ихъ!... Пропали!... Нигдѣ не найдутъ и реквизотора съ ними!...“ Смотрю: придворный несетъ и ставитъ на столъ буфетный подносъ съ тремя стаканами и пустой бутылкой...

Въ такомъ-то вотъ видѣ и разыграли мы Гамлета принца Датскаго! Отличились, нечего сказать!

Мнѣ передавали, что Государь Николай Павловичъ, будучи въ Кіевѣ, пожелалъ видѣть пьесу: „Горе отъ ума“. Актеры кіевскіе такъ ее разыграли, что Государь плюнулъ и тутъ же отдалъ приказаніе, чтобы въ провинціяхъ не смѣли играть эту пьесу. Хорошо, что онъ не видѣлъ нашего Гамлета!...

Постомъ антрепренеръ Васильевъ объявилъ намъ, что театръ содержать не будетъ, а если угодно составить общество на паяхъ, и будутъ барыши или убытки — все дѣлить безобидно. Пообсудивъ и подумавъ, мы согласились. Мы имѣли такую надежду: если не повезетъ весною, такъ Коренною ярмаркой выручимъ себя. Жаль, Горева у насъ отняли; изъ Москвы былъ присланъ приказъ — гнать его по этапу до мѣста. Снабдили мы его теплымъ платьемъ, а деньги, имъ заработанныя, вручили конвойному офицеру. Такъ и проводили бѣднягу.

Послѣ Пасхи, къ открытію спектаклей, понаѣхали актеры: Петръ Васильевичъ Самойловъ, Артуръ, Хрисанфовъ и др. Хотя при ихъ участіи репертуаръ и улучшился, но сборы все-таки были плохіе. Время межъ тѣмъ близилось къ Коренной. Для ярмарки стали готовить репертуаръ спектаклей на двѣнадцать. Въ это время неожиданно являются Теофиль Матвѣевичъ Домбровскій, а за нимъ Никулина-Косицкая съ мужемъ. Они предложили намъ свои услуги на ярмарку, но условія поставили такія, что согласиться на нихъ не было возможности; запросили они не много — не мало: половину сбора и два бенефиса въ лучшіе дни. Спасибо!... Конечно, мы имъ отказали. Никулина-Косицкая съ мужемъ тотчасъ же уѣхали въ Харьковъ. Домбровскій не сдавался. Задумалъ онъ отбить у насъ театръ и самому сдѣлаться антрепренеромъ, и нѣкоторыхъ изъ нашей труппы ужъ успѣлъ къ себѣ переманить. Артуръ и тутъ выказалъ себя подленькимъ человѣкомъ,—онъ первый къ нему передался. За Артуромъ потянулись: Самойловъ, Поляковы, Лебедева и другіе, только я, Максимовъ и Гусевы, съ прочими, уперлись и наотрѣзъ отказались войти въ ихъ составъ. Пока у нихъ шли совѣщанія, я тѣмъ временемъ посовѣтовалъ Василькову уѣхать поскорѣе въ Коренную и тамъ снять театръ. По пріѣздѣ его туда, думскіе члены, не видя конкурентовъ, отдали Василькову театръ за дешевую цѣну. Домбровскій отъ кого-то узналъ объ отъѣздѣ Василькова и тоже бросился въ Коренную, но опоздалъ: дѣло было сдѣлано. Послѣ этого ему пришлось намъ поклониться, чтобы его приняли. Актеръ онъ, особенно на малороссійскія роли, полезный, кромѣ того, великій мастеръ составлять спектакли. Мы ему дали 200 руб. сер. и $^1/_2$ бенефиса за всю ярмарку. Вотъ какъ Домбровскій умѣлъ завлекать публику въ свои бенефисы, — я разскажу только одинъ случай изъ многихъ: служа въ Харьковѣ, онъ получилъ бенефисъ какъ разъ послѣ отъѣзда Самойловыхъ. Публика, насытившись игрою петербургскихъ знаменитостей, перестала посѣщать театръ. Друзья-актеры зло подтрунивали надъ Домбровскимъ, но онъ не унывалъ. Откопалъ онъ въ архивѣ театральной библіотеки пьесу, сочиненную на событіе Отечественной войны 1812 года; афишу напечаталъ громадную, какъ простыня, и вся-то она была по полямъ разрисована

военными баталіонами и дѣйствующими лицами, сверху изображена касса, у которой происходитъ давка публики изъ-за билетовъ. Программа изобиловала безчисленнымъ множествомъ отдѣленій и необычайно куріознымъ названіемъ*). Этого мало. Ухитрился Домбровскій выпросить у начальника артиллеріи позволеніе: въ день спектакля, утромъ, послѣ ученія, поставить мимоѣздомъ у театра нѣсколько пушекъ. Какъ ужъ онъ умаслилъ генерала, — Богъ его знаетъ! но только согласіе получилъ. Когда пушки подвезли къ театру, народу, поглазѣть на такую штуку, собралось множество.

— Что такое?... Зачѣмъ пушки?... спрашивали зѣваки.

А Домбровскій уже заранѣе подучилъ отвѣчать:

— Да, вотъ, ужо въ представленіи будемъ палить!

— Неужто?!..

— Вѣрно. Тутъ и заряды съ нами. Только до вечера не приказано стрѣлять: народъ испужаешь!...

Какъ и ожидать слѣдовало, неразумная, довѣрчивая публика и впрямь кассу осадила, да такъ, что сбора оказалось болѣе 2000 руб. асс. Конечно, пушекъ настоящихъ зрителямъ увидѣть не пришлось, зато угостили пустѣйшей, дрянной пьесой, съ копотью отъ ракетъ и бенгальскаго огня, — все жалкимъ манеромъ кидали изъ бумажныхъ и деревянныхъ орудій. Послѣ спектакля публика страшно ругала Домбровскаго и даже бить его хотѣла. Но панъ бенефиціантъ, забравъ кассу, поспѣшилъ убраться изъ театра.

1853.

Коренная пустынь.

12-го іюня отправились мы всей труппой въ Коренную ярмарку. Театръ тамъ былъ деревянный, безобразной постройки, но могъ вмѣщать публики на 1000 руб. сер. При зданіи для труппы имѣлись и квартиры. На сценѣ всѣ вмѣстѣ обѣдали и пили чай. Спасибо, случайно попался намъ хорошій оркестръ Быковскихъ музыкантовъ.

14-го іюня, въ воскресенье, открыли спектакли пьесой

*) У меня была эта афиша, — не знаю гдѣ затерялась.

„Параша-сибирячка“ и водевилями: „Цыганка“ и „Москаль чарівнікъ“ *).

Первое представленіе прошло хорошо. Публика осталась довольна.

Все намъ ладилось. Сборы были отличные; лучше чѣмъ мы ожидали.

Въ пятницу 19 іюня, по обычаю, приносятъ въ Коренную пустынь образъ Курской Божіей Матери. Шествіе чрезвычайно торжественное. За иконой шли архіерей, губернаторъ и вообще городскія власти, за ними купечество, горожане и громадная толпа народа. Богомольцевъ сошлось такъ много, что, несмотря на 28-верстное разстояніе, голова шествія была у Коренной, а хвостъ протянулся чуть ли не до Курска. Крестьяне-односельцы шли партіями. Каждая изъ нихъ имѣла свой значокъ или замѣтку. Надъ одними виднѣлся на длинномъ шестѣ лапоть, надъ другими развѣвался пукъ ковылятравы, надъ третьими сапогъ или шляпа, да всего и не перечесть! Впереди, у образовъ, раздавалось стройное пѣніе пѣвческаго хора, сзади же, далеко, наши православные плелись веселыми ногами... И вообще надъ всей этой живой стѣной, утопающей въ непроглядномъ пыльномъ воздухѣ, стономъ стоялъ говоръ и возгласы народа, а тамъ, вдали, съ разныхъ сторонъ, во всю мощь неслась русская пѣсня, то заунывная, то развеселая...

Вечеромъ въ театрѣ въ этотъ день шелъ бенефисъ Домбровскаго. Но здѣсь ему не пришлось куралесить вычурной афишей: репертуаръ уже заранѣе былъ утвержденъ съ общаго согласія; никакихъ балаганныхъ причудъ не допускалось. Сбора спектакль этотъ далъ 700 руб. сер. Въ суб-

---

*) Затѣмъ были поставлены въ разное время: *„Отецъ и дочь“*, *„Козьма Рощинъ“*, *„Скопинъ Шуйскій“*, *„Купецъ Иголкинъ“*, и пр. и пр. При нихъ шли водевили и оперетты: *„Мнимый невидимка“*, 3-й актъ *„Аскольдовой могилы“*, *„Невѣста рѣки“*, *„Суженаго конемъ не объѣдешь“*, *„Анютины глазки“*, *„Отелло на Пескахъ“*, *„Дебютантка“*, *„Взаимное обученіе“*, *„Бѣда отъ нѣжнаго сердца“*, *„Бѣдовая дѣвушка“*, *„Жидъ въ бочкѣ“*, *„Ямщики“* и нѣкоторыя малороссійскія пьесы и сцены.

боту и въ воскресенье также получили мы около 2000 р. с. Въ понедѣльникъ, хотя уже и нельзя было ожидать столько же прибыли, но, все-таки, надѣялись получить не мало. Вдругъ неожиданно губернаторъ потребовалъ, чтобы мы помѣстили въ антрактахъ извѣстнаго скрипача Аполинарія Контскаго. За это добрый начальникъ обязалъ насъ уплатить Контскому двѣ трети сбора. Досадно и обидно намъ было такое безцеремонное и нахальное вмѣшательство этой извѣстности!... Вѣдь тутъ бьются-колотятся изъ-за куска хлѣба десятка три бѣдныхъ тружениковъ... Но дѣлать нечего! противъ сильной власти намъ противиться было нельзя... согласились...

Вечеромъ спектакль посѣтила вся бывшая здѣсь знать. Конечно, Контскій имѣлъ большой успѣхъ; его встрѣчали и провожали шумными оваціями. Сбору было болѣе 1000 руб. сер. Учтя ему всевозможные расходы, мы, все-таки, получили болѣе половины. Послѣ этого спектакля, хотя мы играли до 26-го числа, сборы пошли все слабѣе и слабѣе. Покончивъ дѣло, всѣхъ служащихъ на жалованьи разочли съ наградами. Пайщикамъ досталось столько, что и не ожидали! Я, напримѣръ, съ женою, за двѣ большія доли, имѣлъ, за расходами, 840 руб. сер. — это, значитъ, пришлось намъ съ женою за каждый спектакль по $53^1/_3$ руб., — хорошо!

Въ субботу 27-го іюня, угостившись послѣднимъ общимъ обѣдомъ, мы, не безъ сожалѣнія, простились другъ съ другомъ и на другой же день разъѣхались кто куда пожелалъ. Я съ своимъ семействомъ уѣхалъ въ Тулу.

Тула и Калуга.

Въ Тулѣ я увидѣлъ, что театральныя дѣла шли очень плохо; актеры собрались все ненадежные, и притомъ жили не въ ладу. „Нѣтъ!“ подумалъ я: „нечего тутъ дѣлать, поѣду въ Калугу“. Такъ и сдѣлалъ.

Въ Калугѣ оказался содержателемъ театра Смирновъ, который былъ антрепренеромъ въ Тулѣ. На расплату съ актерами человѣкъ онъ былъ неаккуратный, а по жизни — скупой и грязный. Но какъ время для насъ наступило самое

глухое, то и рѣшился я до осени пожить здѣсь, а чтобы не связывать себя, уговорился играть у него по 10 руб. сер. за спектакль.

Послѣ пожара въ 1851 году для представленій отвели старый, полуразрушенный не то павильонъ, не то сарай въ городскомъ саду, на краю города. Около этой мѣстности нашелъ я себѣ хорошенькую квартирку и зажилъ отлично, словно на дачѣ.

Тутъ, на свободѣ, сталъ я разбирать и приводить въ порядокъ свои записки. Для этого собралъ афиши и письма, которыхъ было не одна сотня. Къ сожалѣнію, многихъ интересныхъ афишъ не оказалось. Думаю — кто-нибудь изъ товарищей-актеровъ завладѣлъ ими. Это я замѣтилъ потому, что въ бумагахъ, вмѣстѣ съ афишами, находилось мое письмо къ К. Н. Полтавцеву, писанное ему въ Воронежъ изъ Таганрога въ 1849 году. Его не разъ у меня выпрашивали и даже покупали. Письмо это замѣчательно тѣмъ, что на одномъ почтовомъ листѣ большого формата, сложенномъ въ два полулиста отдѣльно, стало-быть на восьми страницахъ, я ухитрился написать двухъ-актную пьесу *„Джарвисъ, страдалецъ чести“*; при этомъ еще помѣстилъ и свое посланіе къ Полтавцеву. Писано оно такъ по необходимости: въ то время посылки съ пьесами на Таганрогской почтѣ иначе не принимали, какъ только съ дозволенія градоначальника или дирекціи. Чтобы избѣжать этихъ формальностей, я и написалъ въ письмѣ. Когда въ Воронежѣ получили мое посланіе, то не многіе могли прочитать, такъ мелко было написано. Помнится, въ немъ помѣстилось болѣе 1300 строкъ.

Изъ замѣтокъ и афишъ я выписалъ себѣ на память репертуаръ игранныхъ мною ролей, начиная съ октября 1844 года и доведя до 10 іюля 1853 года. Вотъ онъ:

„Боцманъ“, др. въ 1 д., съ франц., Тарн. и Руднева . .	*Пьеръ Вале.* / *Фишу.*
„Влюбленный жидъ“, шутка въ 1 д., Шаховского	*Ант. Байбакъ.*
„Аскольдова могила“, опера. Муз. Верстовскаго	*Торопка.*
„Сиротка Сусанна“, вод. въ 2 д., Григорьева	*Интропидъ.*
„Москаль чарівнікъ“	*Солдатъ.* / *Финтикъ.*
„Гамлетъ Сидорычъ“, фарсъ въ 1 д., Д. Ленскаго . . .	*Сидорычъ.*
„Мота“, вод. съ фр., Тарновскаго	*Окуньковъ.*

„Водевиль съ переодѣваньемъ“, вод. въ 1 д., Крестовскаго *Шестаковскій.*
„Барская спесь“, вод. въ 1 д., съ фр., Ленскаго . . . . *Иванъ.*
„Любовное зелье“, опер. въ 1 д., съ фр., Ленскаго . . *Жанъ-Бижу.*
„Бѣда отъ сердца и горе отъ ума“, ком.-вод., Копп . . *Муромскій.*
„Путаница“, вод. въ 1 д., Ѳедорова . . . . . *Огрызковъ.*
„Что имѣемъ — не храним“, ком.-вод. въ 3 д., Куликова *Пьтуховъ.*
„Заколдованный принцъ“, ком.-вод. въ 3 д., Куликова . . *Гансъ.*
„Дочь русскаго актера“, вод. въ 1 д. . . . . *Уница.*
„Скопинъ-Шуйскій“, др. въ 5 д., Кукольника . . . . . *Де-Лагарди.* / *Яша.*
„Булочная“, вод. въ 1 д., П. Каратыгина . . . . . *Карлуша.*
„При счастьѣ бранятъ“, съ фр., Ѳедорова . . . . . *А. Кокро.*
„Цырюльникъ на Пескахъ“, вод. въ 1 д., Каратыгина. . *Густавъ.* / *Солдатъ.*
„Хочу быть актрисой“, вод. въ 1 д. . . . . *Оховъ.*
„Ямщики“, вод.-натерм. въ 1 д., Григорьева . . . . . *Староста.* / *Горюнъ.*
„Кетли“, оперетка, съ фр., Ленскаго . . . . . *Сенвиль.* / *Рутли.*
„Цыганка“, вод. въ 1 д., Крестовскаго . . . . . *Горскій.* / *Мякишевъ.*
„Ревизоръ“, ком. въ 5 д., Гоголя . . . . . *Хлоповъ.* / *Судья.* / *Земляника.*
„Довольно!...“ вод., Ѳедорова . . . . . *Веснушкинъ.*
„Скупой“, ком. Мольера, пер. Аксакова . . . . . *Жакъ.*
„Полюбовный дѣлецъ“, шутка въ 1 д. . . . . *Пиньо.*
„Тереза, женевская сирота“, др., съ фр., Кокошкина . . *Матуринъ.*
„Записки демона“, Араго и Вермона, съ фр. . . . . *Ла-Ратиньеръ.* / *Матуринъ.*
„Герой изъ 1001-ой ночи“, вод. въ 1 д. . . . . *Перушкинъ.* / *Прутиковъ.*
„Другихъ спасай, самъ въ петлю полѣзай“, ком.-вод. . . *Лопуховъ.*
„Чиновникъ особыхъ порученій“, вод., Каратыгина . . . *Задоринъ.* / *Балясинъ.*
„Разбитая чашка“, вод. въ 1 д , съ фр., Каратыгина . . *Перро.*
„Дочь шута“, др. съ англ., В. Каратыгина . . . . . *Коссе.*
„Солдатъ-балагуръ“, вод. въ 1 д., Григорьева . . . . . *Василій.*
„Заколдованный домъ“, др. въ 5 д., съ фр., В. Каратыгина *Лермитъ.*
„Каспаръ Гаузеръ“, др. съ фр., Вольберга . . . . . *Фрицъ.*
„Жена и карты“, вод. въ 1 д., Григорьева . . . . . *Закромовъ.*
„Огецъ и дочь“, др. въ 5 д., съ итал., Ободовскаго . . *С. Мельвиль.*
„Двумужница“, др. въ 5 д., кн. Шаховского . . . . . *Башлыкъ.* / *Иванушка.*
„Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ“, оп.-вод., Григорьева . . *Губкинъ.*
„Ужасная пустыня“, мелодр. съ фр., Аврёнкура . . . . *Жакъ.*
„Много шуму изъ пустяковъ“, вод., съ фр., Яблочкина . *Польтронъ.*

„Полковникъ старыхъ временъ“, вод. въ 1 д., съ фр. . . { *Генрихъ.* *Октавъ.*
„Домовой или тайна дѣвушки“, съ фр. . . . . *Баронъ.*
„Морской праздникъ въ Севастополѣ“, 4 карт. . . . . *Сеня.*
„Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, вод. въ 3 д. . . . . *Шаровъ.*
„Дѣвушка-гусаръ“, вод. . . . . *Лерманъ.*
„Утка и стаканъ воды“, вод. въ 2 д. . . . . { *Рыжовъ.* *Глыбинъ.*
„Женихъ въ мѣшкѣ, невѣста въ корзинкѣ“, вод., съ фр. . *Паскаль.*
„Что и деньги безъ ума“, вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Жеромъ.*
„Филатка и Мирошка“, шутка-вод. въ 1 д. . . . . { *Филатка.* *Мирошка.*
„Мнимый невидимка“, оперетта въ 2 д. . . . . *Любосмѣховъ.*
„Отцовское проклятье“, др. въ 2 д., съ фр. . . . . *Клектонъ.*
„Ослиное молоко“, вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Буврель.*
„Вдова и тюрьма“, вод. . . . . *Курольдовъ.*
„Чортова волынка“, оперетка въ 2 д. . . . . *Неизвѣстный.*
„Горе отъ тещи“, вод. въ 1 д. . . . . *Курскій.*
„Небывалый бракъ“, вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Мюзаръ.*
„Моя жена выходитъ замужъ“, въ 1 д. . . . . *Любимъ.*
„Гамлетъ“, траг. въ 5 д., Шекспира, пер. Полевого. . . { *Король.* *Горикъ.* *Гораціо.* *Могильщикъ.*
„Новый Саміэль“, вод. . . . . *Чертовичъ.*
„Швейцарская хижина“, опера Адама . . . . . *Францъ.*
„Цампа“, опера въ 3 д., Герольда . . . . . { *Альфонсъ.* *Даніель.* *Дондоло.*
„Суженаго конемъ не объѣдешь“, оп.-вод., съ фр. . . . . *Эрнестъ.*
„Бабушкины попугаи“, оперетта въ 1 д., съ фр. . . . . *Флорвиль.*
„Женщина-лунатикъ“, оп.-вод. въ 3 д. . . . . *Лидинъ.*
„Дочь 2-го полка“, оп.-вод въ 2 д., съ фр. . . . . *Антуанъ.*
„Невѣста рѣки“, оперетта въ 2 д. . . . . *Артуръ.*
„Ночь послѣ бала“, вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Тимолеонъ.*
„Ямъ“, опера . . . . . *Андрей.*
„Чортова мельница“, опера въ 4 д. . . . . *Гансъ.*
„Живая покойница“, драма . . . . . *Цыганъ.*
„Два Эдмонда“, вод. въ 1 д., съ фр. . . . . *Эдмондъ.*
„Параша-сибирячка“, др. въ 3 д., Полевого . . . . . *Добровъ.*
„Мнимая Фанни“, вод. въ 1 д. . . . . *Городничій.*
„Женщина-разбойникъ“, ком.-вод. . . . . *Креписсаръ.*
„Козьма Рощинъ“, др. . . . . *Пльменевъ.*
„Альбомъ Обличитель“, опера въ 2 д., М. Риссо . . . . *Зорскій.*
„Хороша и дурна“, вод. въ 1 д. . . . . *Емельянъ.*
„Материнское благословеніе“, др. въ 5 д., съ фр. . . . *Пьеро.*

„Поддѣльная Швейцарія“, оперетка-вод. . . . . *Рутли.*

„Отелло на Пескахъ“, шутка въ 1 д., Каратыгина . . . { *Поджогинъ.* *Отъѣловъ.*

и пр. и пр.

Конечно, изъ всего этого списка, за девять лѣтъ, многія роли мнѣ не удались, но и гораздо талантливѣе и опытнѣе меня актеры, случалось, играли не лучше. Причиною тому было то, что мы не успѣвали ни выучить, ни срепетировать хорошенько: бывало нынче дадутъ роль, а завтра играй!... Я уже не говорю о ярмарочномъ времени. Да притомъ антрепренеры и дирекціи, зачастую, совершенно противъ воли, принуждали играть роли и не по характеру, и не по силамъ. Разсуждать не смѣли, особенно, если находились въ долгу и безъ паспорта. Исключенію подлежали немногіе, преимущественно только тѣ, которые составили себѣ большую извѣстность, или имѣли денежныя средства.

Въ 20-хъ числахъ іюля въ Калугѣ появилась холера, переполохъ она надѣлала ужасный! Должно быть городокъ-то былъ удобенъ и пріятенъ для этой гостьи, что при ея появленіи больныхъ и умирающихъ оказалось множество. Губернаторъ, архіерей и другія власти, какъ сказывали, повыѣхали изъ города. Жители, видя такую напасть и не имѣя ни отъ кого помощи, ободренія, задумали прибѣгнуть къ религіозному утѣшенію. Обратились они къ духовенству, чтобы вкупѣ съ архипастыремъ отслужить молебенъ Господу Богу и Божіей Матери. Тѣ, конечно, готовы были исполнить ихъ желаніе, но безъ разрѣшенія властей на это не рѣшались. Выборные съ просьбою отправились къ начальству, но въ городѣ его не оказалось. Какъ быть? Шумъ и смятеніе сдѣлались всеобщіе. Спасибо, полицеймейстеръ гдѣ-то въ монастырѣ отыскалъ владыку и упросилъ пріѣхать въ городъ, чтобы исполнить желаніе горожанъ. Торжественно, со всѣмъ духовенствомъ, отслужили молебенъ на городской площади, но, видно, Господь Богъ прогнѣвался на калужанъ: холера послѣ этого пошла косить еще сильнѣе, захватила, злодѣйка, изъ нашей труппы человѣкъ двухъ; заболѣла и моя маленькая дочка Варенька. Бросился я къ докторамъ, но ни одного не могъ найти; оказалось, они собрались у кого-то изъ своихъ собратовъ да тамъ

и пируютъ себѣ на славу. Какъ ни просилъ, какъ ни умолялъ я оказать помощь, — нѣтъ!... никто изъ нихъ не поѣхалъ. Со злостью плюнулъ я и, обругавъ ихъ всѣхъ людоморами, сотрудниками холеры, побѣжалъ вонъ изъ этого вертепа безжалостныхъ людей. Спасибо, дорогой попался мнѣ знакомый, который указалъ старичка-доктора. Придя къ нему, я и тутъ увидѣлъ несчастіе: сидитъ онъ, бѣдный, у гроба своей дочери, поникнувъ головою; но все же, выслушавъ мою просьбу, далъ мнѣ совѣтъ, слѣдуя которому, я дѣйствительно исцѣлилъ свою дѣвочку, — дай Богъ ему здоровья!

Однако жутко да и скучно стало жить въ Калугѣ; театръ прекратилъ дѣйствія. Порѣшилъ я въ августѣ отправиться съ семействомъ въ Москву.

Москва.

Бѣлая зала.

Наконецъ я въ знаменитой бѣло-мраморной залѣ Барсова трактира! Она весною и осенью, а особенно Великимъ постомъ всегда бываетъ биткомъ набита провинціальными актерами. Тутъ, какъ на биржѣ, происходила оживленная торговля театральнаго люда со всегдашними ихъ утѣснителями — антрепренерами театровъ. Изъ всѣхъ четырехъ странъ Россіи, словно птицы перелетныя, слетались сюда актерики. Вначалѣ поста являлись сперва изъ ближнихъ городовъ, а потомъ прибывали и изъ дальнихъ мѣстъ. Вотъ уже можно сказать:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!...“

Опытный глазъ, по наружному виду, могъ отгадать — къ какому амплуа принадлежалъ одинъ или другой актеръ. Любовники всегда щеголеватѣе и цвѣтистѣе другихъ; почти всѣ пальцы ихъ рукъ бываютъ унизаны кольцами съ разноцвѣтными каменьями; всѣ любовники очень заняты собою и часто заглядываютъ въ зеркала. Трагики и комики, смотря по достатку, выглядываютъ: кто побогаче, кто побѣднѣе; извѣстности или счастливые отличаются, какъ и любаши, массивными золотыми цѣпочками у часовъ и такими же перстнями. Въ бесѣдѣ трагическій актеръ разговоръ ведетъ зычнымъ голосомъ и при этомъ смотритъ серіозно, внушительно. Комики

не то,— они всегда веселы, шуточки, остроты такъ и летятъ отъ нихъ во всѣ стороны. Но бываютъ и такіе, что едва удостоиваютъ бѣдныхъ собратовъ своимъ разговоромъ, а то все время сидитъ себѣ за водкой, да сопитъ,—это комики Островскаго репертуара, подражатели Садовскаго. На иныхъ, какъ, напримѣръ, у Алексѣя Алексѣевича Ленскаго, для шику, перстень надѣтъ на большой палецъ лѣвой руки,—шутники увѣряютъ, что это дѣлается для какого-то удобства во время картежной игры... Затѣмъ остальная братія составляютъ большею частію голытьбу; эти и одѣты плохо, и живутъ почти всегда въ бѣднотѣ. Къ такому разряду принадлежатъ: вторые любовники, простаки, резонеры, благородные отцы, декораторы, суфлеры и проч.

Съ пріѣзда, первые дни, актерки ведутъ себя бойко, тратятъ безъ расчета, къ предложеніямъ небогатыхъ содержателей относятся съ пренебреженіемъ и гордостію, цѣну наносятъ себѣ несоразмѣрную. Самые хвастливые при сдѣлкахъ громко восклицаютъ:

— Нѣтъ, батенька! На такихъ условіяхъ хорошаго актера, какъ я, взять нельзя!... Мы, вѣдь, какія пьесы карёжимъ — страхъ! Да-съ!... А съ успѣхомъ какимъ!... Вызовамъ-то и конца не бываетъ!... Такъ-то!... Вонъ тамъ, за столомъ сидятъ такіе, на вашу цѣну подходящіе... ихъ и приглашайте, а мы подождемъ!...

Антрепренеры или довѣренные отъ дирекцій такими возраженіями обыкновенно нисколько не смущаются; они знаютъ эту тактику до тонкости. Посидятъ, побалагурятъ, даже угостятъ, а потомъ уйдутъ себѣ преспокойно; имъ хорошо извѣстно, что актерская твердость и спесь держатся, пока есть деньжата въ карманѣ, но какъ только порастратятся хорошенько — тотъ же крикунъ поетъ уже другую пѣсенку, совсѣмъ ручной дѣлается. Ну, конечно, этимъ обстоятельствомъ набирающіе труппу и пользуются. Вторые персонажи и другой людъ дѣло ведутъ прямѣе: имъ бы поскорѣе уговориться да взять деньжонокъ въ счетъ будущихъ благъ. Нѣкоторые бѣдняки, по протекціи первачей, попадаютъ на мѣста большею частію безъ всякаго условія. Впрочемъ, и антрепренеры тоже держатъ ухо остро... всякому вѣдь хочется взять кого получше, полезнѣе; пропойцевъ, хотя и

талантливыхъ, по возможности, обходятъ. Но иногда, если спросъ великъ, антрепренеры, не теряя времени, быстро рѣшаютъ дѣло и съ хорошими и съ посредственными актерами,— тутъ перевѣсъ остается на сторонѣ актеровъ.

Въ этотъ пріѣздъ мой актерики сильно пріуныли: спросу не было. Скромно сидѣли себѣ по нѣскольку человѣкъ за тремя парами чая да съ грустью посматривали на входную дверь, но хорошіе антрепренеры или довѣренные все не являлись. Недавно повертѣлись между нами Ивановъ изъ Костромы да Смирновъ изъ Ярославля, но эти содержатели были такого рода, что къ нимъ ѣхали только тѣ, которымъ уже некуда дѣться. Смотримъ — и эти, позахвативъ кого возможно, уѣхали по своимъ мѣстамъ. Сентябрь шелъ на исходъ. Многіе изъ товарищей отправились, кто по заочному приглашенію, а кто — такъ себѣ, на авось; а я, съ оставшимися горемыками, каждый день все ходилъ въ опустѣлую залу и все ждалъ — не придетъ ли хоть какой-нибудь плюгавенькій содержатель. Пожалѣлъ я тутъ, зачѣмъ отказалъ Иванову и Смирнову. Правда, у нихъ ужъ очень мизерное жалованье, да и бенефисы грошовые, — тоже и ѣхать-то къ нимъ не сладость! Въ одинъ изъ печальныхъ дней ожиданья сидѣлъ я за чайкомъ съ Егоромъ Браво, Владиміромъ Линдротомъ, Павловымъ (Веревкинъ) и Рѣшимовымъ. Стали мы строить планы, какъ бы намъ составить товарищество и снять гдѣ-нибудь театръ, какъ вдругъ, къ нашему столу подходитъ артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ Ѳедоръ Кондратьевичъ Сахаровъ. Побалакавъ о томъ, о семъ, онъ предложилъ всѣмъ намъ поѣхать въ Рязань: тамъ учредилась дирекція подъ вѣдѣніемъ откупщика Дениса Осиповича Нѣмцова и правителя дѣлъ губернатора, Евгенія Михайловича Бернардъ. Конечно, такому неожиданному случаю мы очень были рады; тутъ же сейчасъ и условія подписали.

Рязань.

Театръ, въ которомъ я прежде игралъ, теперь былъ перестроенъ заново какъ внутри, такъ и снаружи. Для устройства машинъ и декорацій выписанъ изъ Москвы машинистъ-декораторъ Императорскихъ театровъ Іосифъ Карловичъ Браунъ.

Труппа составилась такая: Ѳ. К. Сахаровъ, Гумилевскій съ женою, я съ женою, Линдротъ съ женою, двѣ сестры Соколовы (тамбовскія), Браво, Павловъ, Рѣшимовъ, Барсовъ, Большаковскій и двѣ молоденькія актрисы — танцовщицы изъ экстернъ Московской дирекціи. Впослѣдствіи присоединились къ намъ Днѣпровскій и Выходцевъ съ женою (Корина). Репертуаръ шелъ все больше изъ легкихъ драмъ, оперетокъ, комедій и водевилей. Пьесы Островскаго, какъ новость, давали чаще другихъ. Въ этотъ сезонъ пріѣзжалъ въ Рязань на нѣсколько спектаклей Василій Игнатьевичъ Живокини. При немъ я игралъ Торопку въ 3-мъ актѣ „Аскольдовой", В. И. остался очень доволенъ моимъ исполненіемъ; онъ, даже совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Москву на дебюты. Браунъ, тоже, съ своей стороны, одобривъ, сказалъ, что въ Москвѣ на эту роль у меня нѣтъ соперниковъ; А. О. Бантышевъ оставилъ сцену. Какъ ни соблазнителенъ и заманчивъ былъ ихъ совѣтъ, но пуститься играть въ Императорскомъ театрѣ — подумать страшно! Тамъ все такіе великіе и знаменитые артисты! Куда намъ, провинціальнымъ, соваться играть съ ними! ну, какъ осмѣютъ да ошикаютъ!... Вѣдь послѣ этого въ провинцію и носа не показывай! Нѣтъ, Богъ съ ними и съ театромъ-то Московскимъ! Да притомъ, какъ я, безпаспортный, явлюсь въ столицу? Въ провинціи-то вотъ сколько времени проживаю безъ всякаго вида — и ничего! начальство мирволитъ, не трогаетъ, а тамъ, какъ разъ сцапаютъ, да и перешлютъ на родину! Такъ и отказался.

При вліяніи на общество Нѣмцова, какъ откупщика, да еще и при содѣйствіи губернатора Петра Петровича Новосильцева, а больше того его жены Миропы Александровны, дѣла по театру шли отличныя. Въ довольствѣ, весело прожили мы этотъ зимній сезонъ въ Рязани.

1854 годъ.

Весною изъ Таганрога пріѣхала моя своячиница, актриса А. Ѳ. Розанова, и съ ней извѣстный въ провинціи актеръ Егоръ Осиповичъ Петровъ (Дебуаръ). Оба они съ большимъ успѣхомъ сыграли нѣсколько спектаклей. 6-го іюня была ихъ свадьба, послѣ которой они, по приглашенію, уѣхали въ Казань.

Въ этотъ и слѣдующіе годы стряслась надъ нами бѣда: наступила восточная война, для нея пошли грозные солдатскіе наборы. Хотя наши патріотическія представленія и приводили публику въ воинственный задоръ, но тѣмъ не менѣе горе и уныніе виднѣлись повсюду. Призадумался и я, получивъ письмо отъ родныхъ изъ Темникова. Они увѣдомляли, что общество наше намѣрено всѣхъ бѣгуновъ и неплательщиковъ сдать въ солдаты, и есть слухи, что сдѣлано распоряженіе къ розыску такихъ людей. Метнулся я просить помощи у губернатора и у директоровъ. Начальникъ города обнадежилъ тѣмъ, что безъ особой крайности не выдастъ меня, а Нѣмцовъ посовѣтовалъ ѣхать на родину и тамъ нанять охотника, деньги на наемъ обѣщалъ выслать по первому требованію, и на всякій случай далъ мнѣ рекомендательное письмо съ просьбою о содѣйствіи къ Алянчиковымъ въ Касимовъ и Темниковъ, гдѣ они содержали винный откупъ.

„Ну!“ подумалъ я, идучи дорогой отъ нихъ: „теперь, при такомъ покровительствѣ, Богъ дастъ, не пропаду“.

Оказалось, что защита и такихъ сильныхъ лицъ не помогла бы мнѣ, если бъ не спасъ письмоводитель жандармскаго полковника. Онъ, по дружбѣ и расположенію къ актерамъ, прибѣжалъ ночью ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что пришла бумага съ приказомъ схватить меня и отправить въ городъ Темниковъ. При этомъ онъ далъ мнѣ совѣтъ: не теряя времени, куда-нибудь скрыться; нельзя оставаться даже до утра. Сразила меня эта неожиданная вѣсть, не зналъ — за что и какъ приняться. Спасибо, товарищи поддержали и все къ отъѣзду устроили. Тяжко было разставаться съ семействомъ при такихъ обстоятельствахъ. Милыя дѣти! они спали себѣ спокойно... Цѣлуя и крестя, я облилъ ихъ горькими слезами. Прощайте!... Храни васъ Богъ!... Съ рыданьемъ упалъ я въ телѣгу; ямщикъ свистнулъ на лошадей; колокольчикъ зазвенѣлъ какъ-то печально... Вмѣстѣ съ товарищами скоро очутились за городомъ. Здѣсь, простясь съ ними, я быстро помчался по дорогѣ къ Касимову. Это было въ концѣ іюня мѣсяца 1854 года.

Касимовъ.

Пріѣхавъ въ Касимовъ, я обратился къ Алянчиковымъ съ письмомъ отъ Д. О. Нѣмцова. Эти добрые люди сдѣлали мнѣ ласковый пріемъ; отъ нихъ я получилъ письмо къ ихъ родственнику, управляющему откупомъ въ Темниковѣ; съ своей стороны они обѣщали мнѣ всякое содѣйствіе. Погостивъ у нихъ дня три, отправился я дальше.

По дорогѣ въ Темниковъ.

Передаточный возница мой послѣдней станціей все ѣхалъ лугами, которымъ, кажется, и конца не было. Повсюду виднѣлись озера и болота. Утокъ, гусей и всякой дичи виднѣлось множество. Вотъ бы гдѣ поохотиться!... По дорогѣ, мѣстами, встрѣчались такія топи, что лошади еле могли ноги вытаскивать.

— Да ты, ямщикъ, зачѣмъ такой дорогой поѣхалъ? спросилъ я.

— А здѣся, хозяинъ, много ближе буде!... Вотъ, толичко, заберемъ на бугорокъ, гдѣ боръ-то пойдетъ, — за лѣсомъ-то до города рукой подать!

— Ну, ну, ладно!... Ѣзжай скорѣе.

Вскорѣ изъ низины поднялись мы на песчаный бугоръ, окруженный вѣковымъ лѣсомъ. Полусонный ямщикъ мой, нагнувшись, раскачивался то въ ту, то въ другую сторону; по временамъ онъ, вздрагивая, поднималъ голову и оглядѣвшись дремотными глазами, торопливо подхватывалъ возжи и при этомъ, взмахнувъ кнутомъ, безсвязно, хриплымъ голосомъ произносилъ:

— Эй, вы, други!... Заснули... Ну-у!...

Но лошадки только метнутъ хвостами и идутъ себѣ, еле передвигая ноги, а возница мой снова начинаетъ клевать носомъ.

Въ кибиткѣ, обитой рогожами и внутри украшенной причудливыми узорами фольгой, сидѣлъ я, задыхаясь отъ жары. Задумчиво смотрѣлъ я на лѣсъ, тянувшійся безпрерывно, и на сыпучій раскаленный песокъ, по которому такъ трудно было ѣхать, и на небо, чудное, безпредѣльное голубое небо!

По лазури, догоняя другъ друга, неслись „вѣчные странники“!... Какъ хорошо! Такъ же, какъ и на морѣ: тамъ вода и небо, и тутъ лѣса и небо!... Только море всегда будетъ красоваться и существовать, а лѣса — увы! — скоро исчезнутъ; корысть и жадность, какъ и въ другихъ мѣстахъ, наложатъ на нихъ свои алчныя, неправедныя руки... Впереди на дорогѣ завидѣлъ я покачнувшійся на бокъ полосатый столбъ — версту. „Нѣмецъ стоитъ!...“ подумалъ я.

— Ну, ну, родимые!... Соколики... Ну, дружнѣе!... Недалеко!... Вытягивай!... наставительно прикрикнулъ проснувшійся ямщикъ, слѣзая съ передка.

— А что, ямщикъ, тутъ поселокъ какой будетъ намъ впереди? спросилъ я.

— Какъ же, хозяинъ! Есть недалечко! верстовъ пятокъ до выселокъ-то. Тамъ я маленько дамъ лошадкамъ вздохнуть. Вонъ на бугрѣ-то значокъ... это пчельникъ Селифановъ. Отъ него — возлѣ... Вотъ тебѣ, хозяинъ, гдѣ поохотиться, — за евтой пасѣкой!... Какія озера!... Птицы всякой видимо-невидимо!... Какъ буду кормить, — сходи.

— А что ты думаешь?... И вправду! Спасибо, что надоумилъ, а то у меня ружье-то давно ужъ заряжено, надо выстрѣлить. Фу!... какъ жарко!... Постой-ка, братъ, я слѣзу да промнусь.

Ямщикъ съ лошадьми, утопая въ пескѣ, скрылись за поворотомъ лѣса, а я направился къ значку, гдѣ была пасѣка.

На пчельникѣ.

— Здорово дѣдушка! Богъ тебѣ на помощь!

— Спасибо, кормилецъ! спасибо!

— Что, пчелки твои хорошо разводятся?

— Благодареніе Господу Богу — роятся! А твоя милость откеля?

— Ѣду я по обѣщанію въ Саровскую пустынь. Здѣсь вотъ, въ вашей деревнѣ, мой извозчикъ лошадей кормитъ, а я отъ скуки пошелъ сюда поохотиться.

— Что жъ, хорошо! У насъ на лугахъ, къ Мокшѣ-то, всякой птицы довольно, поохотиться можно... особливо вотъ тутъ, на озерахъ, что утокъ, гусей — просто сила! Это, какъ

зорькой пойдешь по воду — такой крикъ, такое полосканье подымутъ...

— Да теперь очень жарко! и опять же въ моихъ сапогахъ нельзя по мокротѣ ходить. Позволь-ка присѣсть, старинушка!

— Садись, кормилецъ, садись!

— Что это, сколько у тебя тутъ пустыхъ колодокъ стоитъ? про запасъ что ли?

— Да... про запасъ... а кои, вонъ, и съ пчелками были, да извели у меня ихъ... добавилъ старикъ, вздохнувъ.

— Какъ же это?

Пчелинецъ мелькомъ, но пытливо взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Человѣкъ ты проѣзжій... сказать тебѣ можно... Въ третій вотъ разъ завожу пчелокъ-то... Допрежъ у меня ульевъ-то было десятковъ пять... Да наѣхалъ отъ барина управляющій изъ Питера, нѣмецъ ли, то ли жидъ, прахъ его знаетъ! Ну и пошелъ всѣмъ вертѣть! Смотóрилъ всѣхъ крестьянъ... Что у народа было хлѣбца про запасъ въ одоньяхъ — все продалъ! Скотинку, птицу какую — тоже... У меня и другихъ — пчелокъ поотнималъ... Деньги, говоритъ, барину нужны! Да это что! Взялъ нашъ лѣсъ порубилъ... а лѣсъ-то былъ намъ отведенъ господами для своихъ надобностей. Ну, просто, разорилъ! Что будешь дѣлать? Кому жалиться? На тотъ грѣхъ лукавый попуталъ насъ собраться всѣмъ міромъ на сходку. Тамъ присудили: какъ бы, дескать, описать все евто барину, альбо пожалиться начальству какому, за что жъ, молъ, такая напасть? прежде такъ-то не было николи! Побалакали, погуторили, да и разошлись. Только, на другой день, всѣхъ говоруновъ, кои были побойчей, управляющій потребовалъ къ себѣ... Ему, вишь, кто-то изъ дворовыхъ передалъ наши слова. Пришли это мы къ нему, а онъ, нехристь экой, и пошелъ насъ: кого палкой, кого кулакомъ, — наругался всячески! Да этого еще мало: всѣхъ говоруновъ согналъ на конюшню да тамъ такую задалъ припарку, что еле-еле мы очнулись! Ну, говоритъ, будете теперь жалиться на меня? а? Понурили всѣ мы головы, трясемся и вымолвить слово-то боимся. Что жъ вы, говоритъ, молчите? али вамъ мало? такъ я, говоритъ, языки-то вамъ развяжу! — Не будемъ,

молъ! — То-то! Я васъ, лѣнтяевъ, проучу! Вы, говоритъ, мужичьё — невѣжи! грязные скоты! Я, говоритъ, выучу васъ на свой ладъ! Пошли вонъ!...

— Экой негодяй! Да что же вы, такъ барину и не писали?

— Куда ему писать-то? Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Въ чужихъ земляхъ вишь проживаетъ... Да и управляющій, пожалуй, узнаетъ — со свѣту сживетъ!

— Такъ вамъ бы губернатору или начальству пожаловаться.

— И, батюшка! Куда намъ просить! Мученье на себя принять! А особливо на нашего Каина — какъ жалиться? Онъ, баютъ, тожъ изъ благородныхъ... съ начальствомъ-то за панибрата... пиры другъ дружкѣ задаютъ да въ карты займаются. Куда тутъ жалиться!

— Это ужасъ, что такое! По закону — его въ Сибирь бы за такія дѣла!

— И, родимый! Законъ-то святъ, да въ рукахъ-то онъ грѣховодныхъ! Такъ гдѣ ужъ правдѣ быть! Они сами себѣ самосуды, на ихъ уёму нѣтъ!

— Ну, нѣтъ, старинушка! теперь стали взыскивать за неправедныя дѣла, да и люди появились на службѣ честные, правдивые, — взяточниковъ, озорниковъ преслѣдуютъ.

— Дай-то Богъ! Нашему брату, крестьянину, было бы вольготнѣе. Да кабы вотъ и управляющихъ-то сослѣдили, — хорошо бъ было! Да нѣтъ! гдѣ евтому быть! Може, въ вашей сторонѣ такая благодать, а у насъ не слышно.

— Ну, конечно, у васъ тутъ глухая сторона, — имъ приволье! Да придетъ время!... Семейство у тебя есть, дѣдушка?

— Былъ сынокъ... недавно въ некрута отдали! Теперь въ дому: невѣстка, внучка да еще парнишка-сирота, пріёмышъ.

— Я думаю, управляющій васъ работами заморилъ?

— И, не приведи Господи, какъ! Всю-то недѣльку гонитъ на барщину... и всѣхъ-то поголовно! На себя только и работаешь по ночамъ! Кабы не пріёмышъ Ванюша, пришлись бы совсѣмъ разстаться съ моими пчелками.

— Видно, ты ихъ очень любишь, дѣдъ?

— Эхъ, ваша милость! да какъ же не любить-то! Вѣдь отъ пчелокъ-то не токма что польза, а и болѣе того — утѣшеніе мнѣ на старости! Что̀ бъ я сталъ дома дѣлать? Тяжкую

работу взять мнѣ невмоготу, ну, а съ пчелками труда большого нѣтути... а радости сколько! Словно съ дѣтками махонькими нянчишься!...

— На зиму куда жъ ты ихъ дѣваешь? Въ деревню свозишь?

— Нѣтъ! Здѣсь оставляю. Тутъ у меня омшанникъ,— туда ихъ и ставлю. Зимой, какъ соскучусь по нимъ, приду сюда, да и гощу недѣльку, аль поболѣ.

— А не скучно тогда тебѣ одному-то? Я думаю, снѣгомъ заноситъ тебя?

— Ништо, бываетъ! да ничего — Господь хранитъ! А насчетъ скуки, такъ этого нѣтъ! Ино время дѣтки придутъ,— погуторимъ, а то ульишки долбишь, тамъ снадобья какія справляешь — ну, время-то и идетъ себѣ! Вотъ коли вьюга, метель подымутся, особливо ночью: жутко бываетъ! Вѣтеръ-то загудитъ, загудитъ, словно застонетъ кто! а тутъ еще завоютъ волки... а все ничего! перекрестишься, сотворишь молитву да и заснешь себѣ.

— Зато весной тебѣ веселье?

— Охъ, родимый, и сказать-то не можно! Словно помолодѣешь, какъ водица-то кругомъ зашумитъ по овражкамъ, да какъ вешней погодушкой Божья гроза прогремитъ! Въ ту пору все-то одѣнется зеленымъ листочкомъ да травкой, а тамъ запоютъ тебѣ веселую пѣсенку жаворонки, что вьются надъ полями... Взыграется у тебя сердце, какъ въ Великъ день, и прошибетъ тебя радостная слеза! Да! велика благодать и милость Господа Бога!

Старикъ набожно перекрестился и понурилъ голову.

— Да, старинушка, хорошо! А мы вотъ, городскіе жители, совсѣмъ отдалились отъ природы... Наши рощи, сады, Богъ знаетъ, на что похожи! Завиты, причесаны, подбриты... при этомъ пыль, экипажи щегольскіе, разносчики, шарманщики, самовары съ угаромъ, кофейныя, трактиры съ пьянымъ людомъ, а тутъ же ко всему — казакъ съ нагайкой, хожалый съ палкой да квартальный съ кулакомъ... Ну, гдѣ тутъ природѣ быть?

— Ну, что говорить! не приведи Богъ! Въ нашемъ городѣ доводилось мнѣ видать ихъ дѣла... Охъ! Господь съ тобой! Что тамъ такое? Видно, чужаки... пробормоталъ старикъ, какъ бы про-себя, отстраняя пчелу.

— Что такое, дѣдушка? спросилъ я, вставая.

— Да вотъ пчелка вьется... Это она все такъ-то, какъ чужая нападетъ... А може и рой... надоть посмотрѣть...

— И мнѣ пора! Прощай, старинушка! Будь здоровъ! Дай Богъ тебѣ пчелокъ побольше.

— Спасибо, кормилецъ! спасибо, родной! Счастливый те путь!

Пчеленецъ поспѣшно вошелъ въ пасѣку, а я, вскинувъ ружье на плечо, направилъ шаги къ небольшой полянѣ, откуда виднѣлись выселки. Надъ окраиной лѣса тянулись струйки дыма, а тамъ, вдали, за деревенькой, крутясь въ воздухѣ, съ шумнымъ крикомъ, взвивалось стадо грачей и галокъ.

(Писано въ іюлѣ 1854 г. въ Темниковѣ.)

Темниковъ.

По выѣздѣ изъ выселокъ, поднявшись на возвышеніе, я увидѣлъ освѣщенный заходящимъ солнцемъ мой родимый городъ. Сердце забилось не то радостью, не то тревогой о томъ, что̀ меня ожидаетъ... Улажу ли я свое дѣло? А ну, какъ меня эти думскіе горлопаны сцапаютъ да сдадутъ въ солдаты? пропалъ я тогда! Совсѣмъ стемнѣло, когда я подъѣхалъ къ воротамъ дома дяди, Ивана Евменыча. Здѣсь, къ несказанной радости, я встрѣтилъ свою мать.

Ужъ нѣсколько лѣтъ какъ я не видался съ нею. Изъ объясненій съ родными я узналъ, что мой пріѣздъ сюда былъ неразуменъ, опасенъ. Въ городѣ и въ округахъ по селамъ и деревнямъ хватаютъ людей безъ счета и безъ разбора. Много парней отъ рекрутчины разбѣжалось по лѣсамъ. Три набора ужъ было, а теперь вотъ поговариваютъ о четвертомъ. А гдѣ взять народу? Въ избахъ-то остались только старые да малые. Но начальство на то не взираетъ... Разослано было грозное посланіе всѣмъ городскимъ и сельскимъ властямъ — немедля дополнить наборы рекрутъ. Родителей или родственниковъ побоями иногда вынуждали указать, гдѣ ихъ бѣгуны. А если сыскной стражѣ случайно попадался мало-мальски годный на службу, то его, безъ всякаго разговора, хватали и сдавали военному начальству. Тетушка, Наталья Ѳедоровна, разсказала намъ про такой недавній случай.

— „Одинъ нашего города мѣщанинъ проживалъ на сибирскихъ промыслахъ. Вздумалось ему побывать на родинѣ да своихъ повидать. Живя на хорошемъ мѣстѣ, онъ, какъ видится, порядочно разбогатѣлъ; платье на немъ господское, такое нарядное! окромя того, еще при немъ часы съ золотою цѣпочкой... Однимъ словомъ — купецъ, да и только! Вышелъ, это онъ разгуляться по городу, важно таково поглядываетъ да знакомымъ поклоны отдаетъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, офицеръ съ квартальнымъ, съ полицейскими солдатами да съ понятыми. Его благородіе на видъ собой былъ такой дородный, усищи страшные, а глаза, что у волка, такъ и хотятъ слопать! Вотъ, только подходитъ онъ, этотъ офицеръ-то, къ щегольку да какъ гаркнетъ: „Ты кто такой?“ Молодчикъ нашъ, хоша и оторопѣлъ, но, живя по волѣ да при его дѣлѣ, тожъ привыкъ съ господами обращаться, ну и отвѣтилъ ему:

— „Мы-съ будемъ здѣшніе... въ мѣщанахъ состоимъ... объ насъ всѣ извѣстны-съ.

— „А, тебя-то намъ и надо! Бери, вяжи его! командовалъ военный этотъ.

— „Позвольте съ, ваше благородіе!... завопилъ щеголекъ: мы-съ на очереди не состоимъ! А коли чего прочаго... такъ у насъ капиталовъ есть довольно; откупиться можемъ!

— „Молчать! заревѣлъ свирѣпый офицеръ да потомъ такъ зыкнулъ да ругнулъ, что инда, отъ страха да отъ позора, окна позакрыли...“ Тетушка даже сплюнула, слыша эти слова.

— „Ундеръ! командовалъ офицеръ: — чего ротъ разинулъ! Рас-туды... сюды, каналья!... Вяжи скорѣе! Тащи его за шиворотъ! Ну! маршъ!

„Такъ бѣднягу и поволокли! Завылъ нашъ несчастный, на всю-то улицу.

„Опосля сказывали, что богатенькаго-то этого сибиряка сдали въ солдаты и ужъ прогнали до Тамбова, да, спасибо, тамъ какой-то набольшій внялъ его просьбѣ и дозволилъ за себя поставить охотника. А молодчикъ-то, слышь, оказалось имѣлъ при себѣ денегъ до 20 тысячъ ассигнаціями. Начальникъ-то большой все это ему устроилъ, да и отпустилъ. Сказывали, какъ только нашъ щеголекъ вырвался изъ военныхъ лапъ —

прямо махнулъ опять въ Сибирь, и въ городъ свой не заѣхалъ! — Такъ вотъ какія дѣла у насъ творятся!“ добавила тетушка Наталья Ѳедоровна.

Не радостно было слышать мнѣ такія вѣсти, а онѣ неслись отовсюду. Въ виду этихъ событій, родные совѣтовали не показываться людямъ на глаза, особливо днемъ.

„Сперва разузнаемъ хорошенько, какъ надо поступить“, говорили они на совѣщаніи. Тамъ какъ ни разсуждай, а дѣло выходитъ — дрянь! Что-то недоброе чуяло мое сердце! И вправду, предчувствіе оправдалось... Какъ разъ на третью или на четвертую ночь прибѣгаетъ мой двоюродный братъ Петръ. Спасибо, еще засталъ неспящихъ.

— Братъ! испуганно и задыхаясь проговорилъ онъ: бѣги скорѣе! Сейчасъ я отъ кума-писаря... Онъ сообщилъ мнѣ, что тебя хотятъ забрать! Тамъ у полицейской собрались понятые и солдаты съ кандалами... Кумъ слышалъ разговоръ про тебя да про Евменыча. Бѣги скорѣе, а то какъ разъ нагрянутъ!

Вскочилъ я изъ-за стола какъ сумасшедшій, руки, ноги трясутся... Не зналъ — за что и взяться и что подѣлать!... Всѣ домашніе тоже отъ испуга заметались... Однако кое-какъ обулся, захвативъ деньги и ружьишко съ сумкой, ринулся я съ братомъ черезъ садъ въ глухой переулокъ. Оттуда, выйдя за городъ, бѣгомъ пустились по дорогѣ къ Санаксырскому монастырю. Бѣжимъ, бѣжимъ да остановимся, чтобы прислушаться — нѣтъ ли погони... Съ монастырской дороги повернули направо, по берегу Мокши. Тутъ ужъ спокойнѣе продолжали путь къ темному бору, въ которомъ задумали вздохнуть. Надъ оврагомъ, по косогору, непроглядной стѣною вздымался величественный, заповѣдный лѣсъ. Поднявшись къ ближнимъ соснамъ, я въ изнеможеніи опустился на землю, притулясь къ дереву. Передъ нами, внизу, извивалась глубокая, безшумная Мокша. Темнота скрывала ее, только мѣстами, кое-гдѣ, отражались въ ней лучистыя звѣздочки да предразсвѣтная зорька. А сзади насъ, изъ лѣсного ущелья, какъ-то таинственно и нѣжно журчалъ родничокъ-ключикъ. Прохладой и сыростью обдавалъ онъ насъ. Разгоряченный тревогой и посмѣшнымъ бѣгомъ, я жадно вдыхалъ освѣжающій воздухъ.

— Братъ!... Мнѣ хотѣлось бы искупаться?... ужъ очень жарко! спросилъ я Петра.

— Нѣтъ, Иванъ, не дѣлай этого!... отвѣтилъ онъ: теперь такой часъ... не слѣдуетъ!... Тутъ, въ этомъ мѣстѣ, Мокша страсть какъ глубока!... дна не достанешь!... Лучше вотъ сойди къ ключику и умойся, — освѣжишься.

— Нѣтъ!... Лѣнь итти, да я и усталъ!... А помнишь ли, Петръ, какъ мы въ этихъ мѣстахъ боръ сожгли? Я тогда махонькой былъ.

— Какъ же... помню!... Только самъ я въ то время, съ вами не былъ, а слышалъ разговоръ отъ домашнихъ. Да!.. надѣлали вы дѣловъ!... Въ тѣ-поры лѣсу-то что погорѣло!... Насилу затушили. Никто не полагалъ, что это отъ вашихъ проказъ, думали: отъ грозы или такъ отъ случая какого, послѣ ужъ догадались, да кто жъ на своихъ ребятъ сталъ бы доносить!...

— А скажи, Петръ, куда подѣвались наши товарищи — Васька Заправило, Сенька Рыжій?

— Давно я ихъ ужъ не видалъ. Сказывали, — оба сдѣлались цѣловальниками: одинъ въ Нижнемъ, а другой въ Муромѣ или подъ Муромомъ гдѣ-то. Наши темниковскіе всѣ, вѣдь, почитай, идутъ по винной части, съ искони этимъ промысломъ занимаются.

— Поди — плутами сдѣлались!... Народъ-то православный, небось, спаиваютъ да обираютъ?

— Что говорить! не безъ этого!... Должность такая... Куда жъ дѣваться? Самъ знаешь бѣдноту нашу, городскую. Другихъ занятій не знаемъ, — чѣмъ жить?

— Да, конечно! согласился я. Что жъ, Петръ, намъ здѣсь улечься?

— Нѣтъ, братъ, лучше вздохнемъ тутъ немножко, да и проберемся поближе къ Черной. Въ луга-то, того и гляди, народъ придетъ; пожалуй, замѣтятъ, скажутъ — бѣгуны. Найдется недобрый человѣкъ — помѣху сдѣлаетъ. Нѣтъ, лучше отъ грѣха подальше! Ну, вставай-ка, потянемъ!... добавилъ онъ, подымаясь на ноги.

— Эхъ, не хотѣлось бы... Дорогу-то, братъ Петръ, хорошо знаешь?

— Какъ же не знать!... Вотъ, только пройдемъ лощину,

тамъ и пойдетъ проселокъ, почитай, до самаго Чернаго стана. Ну, съ Богомъ, поплетемся!

Скоро и разсвѣту быть, а въ воздухѣ стояла духота такая — дышать трудно. Съ востока и сѣвера заслоняла гряда лѣсныхъ великановъ, только съ западной стороны, на темномъ небѣ, виднѣлись звѣздочки да рябыя, полосатыя тучки. Страхъ обуялъ меня, когда мы вошли въ лѣсную глушь. Темнота въ ней была такая, хоть бы осенней порою; только въ подсѣдахъ въ травѣ, какъ самоцвѣтные камушки, ярко свѣтились Ивановскіе свѣтляки. Мѣстами обдавало то свѣжестью, то удушающей теплотою съ смолистымъ запахомъ. Со всѣхъ сторонъ неслись какіе-то невѣдомые звуки: тутъ скрипнетъ, тамъ свистнетъ или загогочетъ, а порой отзовется окликъ — ну, словно человѣческій!... И все это такъ невнятно, такъ чудно и жутко. Къ этой гармоніи по временамъ присоединялся дикій, пронзительный вой волковъ. Страшно становилось мнѣ.

— Это, братъ Петръ, сѣрые распѣваютъ? тревожно спросилъ я. Какъ бы не напали? Дай-ка я ружье заряжу... Какъ думаешь?

— Нѣтъ, не пугайся!... Въ эту пору волки не страшны. Вотъ зимою, особливо святками — ну, тогда берегись!... тогда они бѣгаютъ стадами, и коли волчиха бросится на что, то и вся стая за ней.

— Ну, и что жъ?... случаются несчастія съ проѣзжими?

— Бываетъ!... Мало ли они задираютъ по дорогамъ! А теперь нѣтъ, — волкъ самъ бѣжитъ отъ людей. На скотинку, вотъ, нападаетъ. Много ея, скотинки-то всякой, гибнетъ и отъ волка и отъ медвѣдя.

— А медвѣдей теперь много въ нашей сторонѣ?

— А то — нѣтъ! Знаешь самъ, какіе лѣса въ нашемъ округѣ. Вотъ теперь, какъ идемъ, — до Сарова и дальше, тянутся они къ Арзамасу, къ Мурому и Касимову, я думаю, на сотни верстъ, — такъ какъ звѣрю не водиться. Опять же по рѣчкамъ и болотамъ какія трущобы — не пролѣзешь! Имъ тутъ житье привольное!

— Такъ развѣ ихъ не бьютъ? Поди, охотниковъ въ округѣ не мало?

— Есть охотники, да супротивъ прежняго мало ихъ стало.

Допрежде мордва этимъ дѣломъ занималась. У нихъ, сказывали, такой обычай былъ: когда парня надо женить — долженъ самъ женихъ добыть медвѣдя, на шкурѣ котораго его и вѣнчали, а потомъ ее же клали молодымъ на брачную постель.

— Ишь ты какой славный обычай! смѣясь проговорилъ я. Хорошо бы заставить нашихъ городскихъ молодчиковъ его соблюдать! А скажи: мордвинъ хорошій охотникъ и стрѣлокъ?

— Нѣтъ! у нихъ мало у кого есть и ружье-то, развѣ у богатенькаго какого, а то больше все охотятся съ рогатиной, ножомъ да съ топоромъ. А!... Вотъ и зорька забѣлѣла! добавилъ Петръ, взглянувъ на небо.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ вышли мы на поляну, утренній разсвѣтъ виднѣлся по всѣму сѣверо-восточному небосклону. Темныя и красно-бурыя полосы тучекъ косо, точно стрѣлки, раскинулись во всѣ стороны. Скоро и лѣсъ оживился веселымъ щебетаньемъ и пѣньемъ птицъ. За деревьями — солнца еще не было видно, а ужъ лучи его сильно изгоняли ночной мракъ. Наступало чудное утро, и вѣрно день будетъ жаркій! Намъ, странникамъ-бѣгунамъ, не спавшимъ, стало тягостно итти, да и сонъ началъ морить.

— Ну, вотъ, теперь, братъ Иванъ, пора и отдохнуть! весело проговорилъ Петръ. — Смотри-ка какая намъ съ тобою благодать!... Вонъ у вершинки, подъ бугромъ, журчитъ и ключикъ. Здѣсь мы и привалъ сдѣлаемъ. Садись-ка!...

Съ чувствомъ полнаго удовольствія повалился я подъ могучую раскидистую сосну. Межъ тѣмъ заглянувшее на насъ солнышко стало подогрѣвать-таки на порядкахъ. Отъ этого еще больше потянуло ко сну. Не успѣли мы и двухъ словъ перемолвить, какъ я уже погрузился въ глубокій сонъ.

Сонъ.

— Братъ, вставай! будилъ меня Петръ: время къ полудню идетъ... Вставай!

Я такъ крѣпко заспался, что едва могъ продрать глаза и опомниться. Взглянувъ на Петра и на мѣстность, я сначала не могъ понять: зачѣмъ я здѣсь, въ лѣсу? но мало-по-малу пришелъ въ себя.

— Уфъ!... Какъ хорошо здѣсь поспалось! проговорилъ я, зѣвая и потягиваясь. — А сновъ, сновъ что привидѣлось! И какъ

это живо представилось мнѣ, будто дядя Иванъ повелъ меня на медвѣжью охоту, подъ Черное. Онъ шелъ съ рогатиной и ножомъ, а я съ ружьемъ и топоромъ. Идемъ это мы самымъ дремучимъ лѣсомъ и смотримъ — изъ подъ коряги вылѣзаетъ страшенный медвѣдище!... Всталъ онъ на дыбы да и поперъ прямо на дядю... Тотъ принялъ его на рогатину. Рявкнулъ тутъ звѣрина такъ, что у меня ружье изъ рукъ вывалилось! А дядя кричитъ: „Племянникъ, перехватывай рогатину... скорѣе!...“ Я, не помня себя, подбѣжавъ, схватилъ древко, а дядя съ ножомъ юркнулъ медвѣдю подъ брюхо... Звѣрь еще пуще заревѣлъ и такъ шарахнулъ по рукояткѣ, что она разлетѣлась на части. Въ тотъ же моментъ я почувствовалъ на себѣ что-то тяжелое, мохнатое... Хочу вскрикнуть — голоса не стало! Чувствую — и дыханье совсѣмъ захватило!... Какъ вдругъ мохнатое чудовище отваливается съ меня, и вмѣсто медвѣдя, я вижу передъ собою съ прескверной рожей полицейскаго съ двумя бутарями. Квартальный одѣтъ былъ въ старинный мундиръ съ узенькими фалдочками, на головѣ надѣта трехъ-уголка съ развѣвающимися перьями. На будочникахъ тоже были прежніе мундиры сѣраго сукна. Головы ихъ покрывали кивера, похожіе на жбанъ: кверху шире, книзу уже. Въ рукахъ они держали старинныя алебарды. Съ ядовито-насмѣшливымъ взглядомъ предлагаютъ они мнѣ надѣть кандалы. „Для чего же?“ спрашиваю я въ недоумѣніи. „А это вы будете играть роль сумасшедшаго въ драмѣ „Отецъ и дочь“. Нѣтъ, думаю себѣ, врутъ!... Они, вѣрно, хотятъ сдать меня въ солдаты!... И въ ту жъ минуту, прямо летомъ, шмыгнулъ на дерево, на другое, на третье... Смотрю: за мной такъ же несутся и полицейскіе!... Тутъ, на этомъ видѣніи, ты меня разбудилъ.

— Ишь ты, приснилось что! Должно быть оттого, что вчера говорили про медвѣдей! смѣялся Петръ. — Однако поднимайся да умойся, освѣжись; пора намъ и въ путь, — добавилъ онъ.

Спустился я къ холодному роднику; умывшись, помолился на востокъ и, затѣмъ, взойдя на гору, поздравилъ брата съ добрымъ утромъ.

— Ну, нѣтъ, Иванъ! было утро и заря добрыя, а теперь ужъ дѣло идетъ къ полудню. Надо къ обѣду попасть въ Черное.

Замѣчаніе Петра насчетъ обѣда, какъ нельзя болѣе согласовалось съ моимъ тощимъ желудкомъ, а пуще всего хотѣлось мнѣ напиться чайку. Снова пошли мы лѣсной дорогой.

Тутъ пришлось пробираться оврагами, топкими болотами. По сторонамъ и даже на тропѣ грудами лежалъ валежникъ вперемежку съ громадными деревьями — и все это покрывалось мохомъ, гнилью, зарослью. Выйдя на возвышеніе, свернули съ лѣсной тропы и направились прямикомъ, чтобы сократить путь. Какая могучая растительность! Сосны, ели, дубы и другія деревья зачастую попадались въ три-четыре обхвата и, навѣрное, въ вышину были они болѣе пятидесяти или шестидесяти аршинъ. Часа черезъ два, наконецъ, выбрались мы на большую Саровскую дорогу, тутъ, вскорѣ, показалось и Черное. Черное — это станъ и сторожка Саровской пустыни. Съ одной стороны помѣщался монастырскій хуторъ, а съ другой два-три постоялыхъ двора. Отъ Темникова сюда считалось 17 верстъ, а отъ пустыни около 30-ти.

Какое довольство почувствовалъ я, когда мы съ братомъ засѣли за большимъ столомъ, подъ образами, да какъ подали намъ самоваръ уважительной величины, этакъ ведра въ полтора! На полатяхъ и по лавкамъ, подложивъ подъ головы, лежали проѣзжіе и богомольцы-странники.

— Откуда и куда васъ Богъ несетъ? спросилъ насъ лежавшій на прилавкѣ у окна съ виду похожій на торговца.

— Идемъ по обѣщанію въ Саровскую пустынь, отвѣтилъ братъ, толкая меня ногою.

— Дѣло доброе!... А ружье-то зачѣмъ же?... монаховъ грѣховодныхъ стрѣлять что ли?

— Нѣтъ, такъ захватили, по охотѣ. Можетъ, дорогой зайчикъ набѣжитъ аль звѣрекъ какой!... пояснялъ я.

Купчина, лежавшій на животѣ, повернулся на бокъ и со вздохомъ проговорилъ:

— Что говорить... мало ли тутъ звѣрья всякаго!

— А больше все бродитъ двуногій звѣрь... лихой звѣрь!... отозвался лапотникъ съ полатей. — По лѣсамъ-то да по деревнямъ добре много разбрелось бѣгуновъ, — ну, за ними вотъ и рыщутъ, что твои волки голодные, ищейки эти!

— Это ты сказываешь насчетъ стражниковъ что ль? откликнулся дворникъ.

— Да!... а то о комъ же!... Чтобъ имъ пусто было!... Парней что позабирали!... На прошлой недѣлѣ нагрянули они къ намъ въ Балыково ночью, — всѣ избы обшарили; двухъ, трехъ бѣгуновъ перехватили... а тутъ и ко мнѣ пристали, словно съ ножомъ къ горлу: подавай имъ сына Ваську. А гдѣ я его возьму?... ёнъ убѣгъ!... — У тебя, говорятъ, другой есть? — Есть, баю имъ, да, вѣдь, ёнъ недоростокъ, восьмнадцати годковъ нѣтути! — Ничего, говорятъ, годится. Такъ и забрали мово Илюшку. Что стону, вытья тутъ было!... Теперя вотъ бреду въ городъ повидать сынишку-то!...

Бѣдный старикъ положилъ на руки голову и зарыдалъ.

— У меня тожъ третёва дни захватили одного, сказалъ дворникъ. — Ночью бѣгунецъ этотъ пришелъ на ночлегъ, а утромъ наѣхали сыщики, стали всѣхъ допрашивать: кто, откуда да куда? Ну, малый мой, знамо дѣло, заробѣлъ. Мы было спровадили его на дворъ, а тамъ, на тотъ грѣхъ, завидѣлъ его стражникъ, перехватилъ. Ну, и увели бѣднягу.

И все вотъ въ такомъ родѣ велся разговоръ межъ ими. Розсказни эти, конечно, смутили меня не мало. Отобѣдавши, шепнулъ я брату — поскорѣе убраться изъ Черной. Такъ мы и сдѣлали. Пройдя Саровской дорогой верстъ пять, мы сѣли въ сторонкѣ отдохнуть. Жара была нестерпимая; отъ сыпучаго песка такъ и обдавало, словно изъ печки.

— Что жъ дѣлать, Петръ? Куда направиться? Ты слышалъ, какъ хватаютъ?...

— Не бойся, Богъ милостивъ! Успокойся, Иванъ!... Вотъ что я надумалъ: доведу-ка я тебя до пустыни, тамъ поживемъ дня два. Ружье-то спрячемъ въ лѣсу, а то съ нимъ прійти въ монастырь не ладно. Послѣ того ступай ты на монастырскіе луга, тамъ въ хуторахъ, скитахъ и сторожкахъ тоже принимаютъ странниковъ. Скажешь старшему монаху, что ты родственникъ Ивана Евменыча; его вѣдь, почитай, всѣ знаютъ, — ну, и погостишь у нихъ, а я съ ружьемъ-то твоимъ отправлюсь домой, тамъ все разузнаю о твоемъ дѣлѣ, и, коли что не ладно, разыщу тебя и увѣдомлю. Если тебѣ будетъ незадача на лугахъ — держи путь къ Санаксырю, и туда я буду навѣдываться.

— Быть по сему, — отвѣтилъ я, успокоившись.

Когда денная жара спала, мы снова отправились въ путь. Въ одномъ мѣстѣ на сыпуче-песчаной дорогѣ увидѣли мы свѣжіе огромные слѣды медвѣдя. Съ большимъ страхомъ продолжали итти, озираясь по сторонамъ. Дивиться нечему: въ этихъ мѣстахъ медвѣди нерѣдко задирали людей. Къ ночи, благодаря Бога, до Саровской пустыни добрались благополучно. Для осторожности помѣстились въ простонародномъ дворѣ. Богомольцевъ набралось множество; служка сказалъ, что всѣ три гостиницы полны народомъ. Саровская пустынь — очень богатый монастырь; стоитъ онъ на красивой мѣстности, окруженный на далекія пространства дремучими, вѣковыми лѣсами. Всѣ стекающіеся сюда богомольцы пользуются помѣщеніемъ и пищей даромъ, для больныхъ есть и лѣчебница. Монаховъ въ настоящее время стало меньше, а прежде, говорили, было ихъ до 700 братій*).

Пробывъ въ Саровѣ сутокъ двое, простились мы съ братомъ. Онъ, мой добрый, разузналъ и указалъ мнѣ путь на луга. Чтобы лучше походить на богомольца, я пріобрѣлъ себѣ дорожную сумку, въ которую про запасъ положилъ хлѣба и огурцовъ. Въ дорогѣ вечеромъ догнали меня двое молодыхъ парней тоже съ котомками.

— Не по дорогѣ ли, братцы? спрашиваю я.

— А не знаемъ! отвѣтили они.

— Я иду къ сторожкамъ на луга.

— Ну и мы туда жъ... Да ты откеля?

— Я городской, темниковской.

— А зачѣмъ же на луга-то идешь?... Тебѣ туда не дорога.

— Мнѣ, други, вездѣ по дорогѣ, а иду я къ сродственнику монаху повидаться.

— Такъ!... Ну, а мы въ работу найматься.

Вдали по дорогѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Спутники мои быстро свернули къ лѣсу, я тоже бросился за ними.

— Послушай, братъ!... съ угрозой обратился ко мнѣ одинъ изъ парней: если ты недобрый человѣкъ, такъ убирайся отъ насъ подальше!...

— Не тревожьтесь, друзья, отвѣтилъ я: — мы, надо пола-

*) Подробное описаніе этого монастыря находится въ книгѣ о.ца Авеля, монаха Троице-Сергіевской лавры. Изд. 1853 года.

гать, одного поля ягоды!... Если вамъ надо сторониться отъ сыскныхъ, такъ мнѣ и подавно!...

— Ну, коли такъ, дѣло другое! Да ты изъ какихъ будешь?

— Изъ мѣщанъ, братъ! изъ мѣщанъ. Можетъ, знаешь въ нашемъ городѣ Ивана Евменыча изъ духовныхъ.

— Какъ не знать — знаемъ! старикъ добрый, хорошій!... Охотникъ онъ гусиный. Бываетъ у насъ въ слободѣ, какъ ѣздитъ по приходамъ. Ты какъ же ему доводишься?

— Онъ мой дядя.

— Вотъ что!... дядя!... Ну, это ладно! Стало — другъ дружкѣ мы не помѣха. А звать тебя какъ?

— Иваномъ.

— Значитъ мой тёска; я тоже Иванъ.

Звонъ поддужнаго колокольца отдалялся все дальше и дальше, вскорѣ и совсѣмъ его не стало слышно.

— Все думается начальство ѣдетъ, проговорилъ мой тёска.

Межъ тѣмъ время подходило къ ночи.

— Гдѣ жъ мы, ребята, заночуемъ? спросилъ я.

— Извѣстно гдѣ, — въ лѣсу. Оно безопаснѣй. Есть тутъ недалече деревнюшка, да тамъ опасно! Мы только зайдемъ въ нее попрошать хлѣбца.

— У меня, братцы, есть въ котомкѣ монастырскій хлѣбъ и огурцы. Хлѣбъ знатный!

— Коли здѣся не добудемъ — подѣлись, а то побереги; годится на завтра. Еще, Богъ знаетъ, гдѣ доведется быть-то! совѣтовалъ парень Иванъ. Другой спутникъ, его товарищъ, былъ молчаливый и печальный, да и съ виду-то худощавый, болѣзненный. Совсѣмъ стемнѣло, когда мы вошли въ небольшой выселокъ. Парень Иванъ постучался въ окно дома хорошей постройки и пѣвучимъ голосомъ произнесъ:

— Господе Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!...

— Аминь!... Что надоть? отозвался голосъ.

— Ночнымъ странничкамъ не подашь ли чего? жалобно протянулъ Иванъ.

— А вотъ погодь маленько! отвѣтилъ тотъ же голосъ.

Вскорѣ открылось окно и на наружное подоконце выставили намъ небольшой кувшинчикъ и стаканъ, а затѣмъ послѣдовала рука съ пирогомъ, начиненнымъ кашей. Тёска мой привычной рукою тотчасъ же налилъ въ стаканъ и выпилъ,

потомъ поднесъ и мнѣ. Пирогъ раздѣлилъ на три части и подалъ намъ по куску.

— А что же товарищу винца не далъ? спросилъ я.

— Не пьетъ онъ... хилый!... Ну, спасибо, добрый человѣкъ!... обратился Иванъ къ невидимому милостивцу. — Спасибо! Дай Богъ тебѣ и всему дому твоему всякаго благополучія.

— На здоровье, на здоровье, ребятушки! Ступайте себѣ съ Богомъ! ласково произнесъ голосъ изъ окна.

Выйдя изъ поселка и отойдя съ версту, мы свернули въ лѣсъ. Тамъ, выбравъ удобное мѣстечко, пріютились на ночлегъ.

Утромъ солнышко еще не вставало, какъ мы были уже въ дорогѣ. Весь день все шли, избѣгая прохожихъ и проѣзжихъ людей, наконецъ, къ вечеру добрались до завѣтнаго лугового скита, гдѣ насъ встрѣтилъ толстый, жирный монахъ. По обычаю, подошли къ нему подъ благословеніе.

— Богомольцы что ль будете, аль найматься? спросилъ онъ.

— Пришли мы, батюшка, по обѣщанію и своему усердію, поработать для Бога и его святого монастыря! отвѣтилъ Иванъ, поклонившись.

— Дѣло доброе, хорошее!... Богоугодное дѣло!... радостно произнесъ монахъ. Ступайте въ скитъ; тамъ служка напоитъ и накормитъ васъ, наша-то трапеза покончилась.

Со вступленіемъ подъ власть монашескую, мы, по уставу, должны были подчиняться вполнѣ, послушаніе и смиреніе нести наравнѣ съ служителями. Спутниковъ моихъ отправили на покосъ, а меня, какъ неумѣлаго, отдали на разныя послуги.

Не долго, однакожъ, пришлось мнѣ здѣсь пожить. Одинъ изъ новыхъ пришельцевъ извѣстилъ, что и по монастырскимъ мѣстамъ будутъ дѣлать обыски, и что на дняхъ надо ждать и сюда сыскную команду. У меня, какъ вѣроятно и у другихъ сотоварищей, ёкнуло сердечко. Рѣшился я — въ эту же ночь бѣжать безъ оглядки. Еще съ вечера разспросивъ хорошенько, какъ безопаснѣе пробраться къ Санаксырю, около полуночи, забравъ свою котомку, далъ тягу. Спасибо, путемъ-дорогой напалъ на богомольцевъ, съ которыми и добрался до Санаксыря.

Санаксырь.

Санаксырь очень древній монастырь; находится онъ въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ города Темникова. Монастырь небольшой, но всѣ постройки его, внутри и снаружи, отличались отмѣнной чистотою, и пріютился онъ около Мокши, луговъ и лѣсовъ. По обоимъ берегамъ рѣки на далекія пространства протянулись луга, болота и озера. Переночевавъ въ гостиницѣ, я на другой день во время обѣдни завидѣлъ знакомаго монаха, родственника дяди, Ивана Евменыча. Отецъ А. тоже меня замѣтилъ. Онъ подошелъ къ образу, гдѣ я стоялъ, поставилъ свѣчу и, сдѣлавъ три земныхъ поклона, обратился ко мнѣ и шепнулъ на ухо:

— Здравствуйте! Братъ вашъ, Петръ, былъ здѣсь, спрашивалъ про васъ. Вы побывайте домой, непремѣнно.

Затѣмъ, поклонившись, скрылся за колоннами. Неопредѣленность его рѣчи смутила и испугала меня. „Ужъ не случилось ли еще чего-нибудь у нашихъ?“ подумалъ я.

По окончаніи обѣдни, вся братія справляла обрядъ отпѣванія своего собрата. Торжественно-сурово раздавались погребальныя пѣсни. Не было тутъ ни воплей, ни плача, а между тѣмъ я почувствовалъ надъ собою какую-то подавляющую силу... При прощаніи заглянулъ я въ лицо усопшаго. Это былъ худенькій, сѣденькій старичокъ. На лицѣ его не выражалось ни болѣзненности, ни страданія, точно онъ вотъ сейчасъ только заснулъ и лежитъ себѣ преспокойно. Говорили, ему было болѣе 80-ти лѣтъ. Слѣдомъ за братіей и вмѣстѣ съ богомольцами и я проводилъ отшельника на монашеское кладбище, стоявшее близъ монастыря. Оно тоже было окружено низенькой каменной оградой.

Напрасно искалъ я случая еще увидѣться съ отцомъ А.; онъ послѣ трапезы незамѣтно скрылся въ свою келью. Не желая тревожить его покой, я пошелъ бродить по монастырскому двору у храмовъ. Тутъ стояли памятники. Въ числѣ ихъ, у собора, я прочелъ на мраморной доскѣ: „Флота адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ. Скончался въ 1817 году, 74-хъ лѣтъ отъ рожденія“. „Гдѣ морякъ-то очутился!..“ подумалъ я. „А, вѣдь, навѣрное, онъ не мало перенесъ и бурь и

битвъ морскихъ! Царство тебѣ небесное! Почивай себѣ, да вмѣстѣ съ старичкомъ монахомъ помолитесь о насъ грѣшныхъ!"

Какъ только наступили сумерки, я тотчасъ же отравился въ городъ. Осторожно пробравшись тѣмъ же глухимъ переулкомъ, вошелъ черезъ садъ во дворъ дяди. Лыска, дворная собака, сначала залаяла, а потомъ, узнавъ меня, стала ласкаться и прыгать ко мнѣ на грудь.

— Здравствуй Лыска, здравствуй!.. прошепталъ я, лаская собаку.

Родные и матушка встрѣтили меня съ радостными слезами. Разсказавъ имъ свои похожденія, я спросилъ о моемъ дѣлѣ.

— Ахъ, Ванюша! проговорила мама: только что ты ушелъ тогда съ Петрушей, какъ въ ту же ночь къ намъ нагрянули незваные гости.

— Да, племянникъ! перебилъ ее дядя: сперва звякнули въ кольцо калитки, а потомъ застучали и въ окно. Мы слышимъэто, да нарочно притаились, какъ будто заспались. Только постучали, постучали они, да и замолкли. Ну, думаемъ себѣ, ушли! — слава Богу! Анъ не тутъ-то было!... Лиходѣи перелѣзли черезъ заборъ — и ну ломиться въ сѣнцы... Нечего дѣлать! пришлось поневолѣ отпирать. Впустили. Смотрю — все знакомые, свои, городскіе; спрашиваютъ: „Гдѣ племянникъ твой Иванъ?"

Я отвѣчаю: „Какой племянникъ Иванъ?... нѣтъ такого!" — „Да какъ нѣтъ?" пристали они: „мы достовѣрно знаемъ, что онъ пріѣхалъ къ тебѣ!" — „Точно, говорю, пріѣзжалъ ко мнѣ племянникъ, да не Иванъ, а Василій, сынъ К—го попа, да и тотъ погостилъ денекъ и уѣхалъ".

Однако не повѣрили. Пошли шарить по жилью, по двору, по амбарамъ, и заглянули даже подъ полокъ въ банѣ... Ну, конечно, никого не нашли. Такъ съ тѣмъ и ушли.

— А мы, Ванюшенька, всю-то ночку такъ и не заснули... сказала мама. И ужъ я сокрушалась, сокрушалась... Все думала: какъ бы тамъ тебя не схватили!...

— Ну, что жъ, дядя, какъ дѣла наши теперь? спросилъ я.

— Ничего, племянникъ! Дѣло идетъ на ладъ! Завтра ты ступай къ стряпчему; онъ обѣщался помочь. Мнѣ онъ про письмо какое-то толковалъ, да я, признаться, хорошенько не понялъ.

— Ну, слава Богу! радостно проговорилъ я.

Стряпчій В. В. С. прежде служилъ въ Рязани и тамъ знавалъ меня по сценѣ. Письма отъ Нѣмцова и Алянчиковыхъ также много поспособствовали къ тому, что онъ принялъ меня ласково и обѣщалъ свое содѣйствіе. Между прочимъ, однакожъ, посовѣтовалъ ѣхать въ Тамбовъ, къ секретарю воинскаго присутствія, для личныхъ объясненій, и при этомъ далъ мнѣ свое рекомендательное письмо, пояснивъ, что секретарь этотъ, если только возможно, сдѣлаетъ все, отъ него зависящее. Поблагодаривъ стряпчаго, я, конечно, не сталъ медлить. Дядя нанялъ мнѣ протяжного извозчика-татарина. Въ наступившую ночь, простясь съ матушкой и родными, отправился въ Тамбовъ.

Дорога до самаго Тамбова была непріятная: все шли дожди, а тутъ еще, по селамъ, деревнямъ, да городамъ — всюду раздавались стоны и вой причитывающихъ бабъ о своихъ мужьяхъ и сыновьяхъ. Просто, убѣжалъ бы опять куда-нибудь въ лѣсную глушь! Послѣ томительнаго и скучнаго недѣльнаго переѣзда прибылъ я въ Тамбовъ.

Тамбовъ.

Товарищи-актеры очень обрадовались, встрѣтивъ меня. Въ это время, Успенскимъ постомъ, спектаклей не было. Антрепренеръ думалъ, что я буду у него служить, и очень сожалѣлъ, когда узналъ причину моего пріѣзда. На другой день явился я съ письмомъ къ секретарю А—му. Прочитавъ посланіе, онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и спросилъ:

— Это вы сами и есть?

— Да.

— Странно! Какъ же это вы гуляете на свободѣ, когда давно уже числитесь въ сдаточномъ городскомъ спискѣ?

— Не знаю... До сихъ поръ я все скрывался... робко отвѣтилъ я ему.— Теперь, вотъ, по рекомендаціи стряпчаго, пріѣхалъ просить васъ оказать мнѣ помощь или совѣтъ какъ мнѣ поступить.

— Никакой помощи оказать не могу! сурово проговорилъ онъ: а по просьбѣ В. В. дамъ вамъ совѣтъ: скрывайтесь, пока пройдетъ это горячее время, а тамъ будетъ

видно. Межъ тѣмъ поищите себѣ покровительства какихъ-нибудь высокопоставленныхъ лицъ. Совѣтую также — не заживаться здѣсь! Прощайте! Мнѣ некогда!

Я поспѣшилъ откланяться и, съ бо́льшимъ, чѣмъ когда-нибудь, безнадежнымъ положеніемъ, возвратился въ театръ. Повѣдалъ я свое горе сотоварищамъ, — тѣ, конечно, только могли мнѣ сочувствовать. Погостивъ у нихъ дня два, я отправился обратно въ Рязань.

Рязань.

Возвратившись, я снова сталъ участвовать въ спектакляхъ. Въ это время съ своими декораціями пріѣхалъ Браунъ. При свиданіи, онъ, какъ и прежде, сталъ уговаривать меня поѣхать на дебютъ въ Москву. Тамъ готовилась къ постановкѣ на Маломъ театрѣ опера „Аскольдова могила". Въ роли Торопки-Голована многихъ испытывали на репетиціяхъ, и всѣ оказались неудовлетворительными. Въ виду необходимости, остановились на Лазаревѣ, который все-таки казался сноснѣе другихъ, — такъ пояснялъ Браунъ. Днѣпровскій, Линдротъ и другіе товарищи настойчиво совѣтовали не упускать такого случая. „Если дебютъ будетъ удачный, тогда дирекція сама за тебя будетъ хлопотать!" уговаривали они.

— Да нечего съ тобой балясы-то разводить! сказалъ Днѣпровскій. — Вотъ я тебѣ напишу письмо по формѣ, а ты его перепиши, да и пошли!"

Я такъ и поступилъ.

Черезъ недѣлю этакъ — Миша Боборыкинъ, служащій въ почтамтѣ, несетъ мнѣ письмо съ казенной печатью.

— Вотъ тебѣ, Ваня, письмо. Должно быть отъ Московской дирекціи. Читай скорѣе и порадуй насъ! весело проговорилъ Миша.

Товарищи всѣ бросили репетировать и тоже съ любопытствомъ окружили меня. Распечатавъ письмо, читаю:

Милостивый государь,

Иванъ Ивановичъ!

На полученное отъ Васъ письмо долгомъ считаю отвѣтствовать, что для допущеній дебютовъ на Императорскихъ